

МАЙРАНА
МИСТЕРУ

ИДЕАЛЬНАЯ
СДЕЛКА
ДЛЯ СКАМА

Майарана Мистеру

Идеальная сделка для скама

«Литнет»

2021

Мистеру М.

Идеальная сделка для скама / М. Мистеру — «Литнет», 2021

– У тебя больше нет вариантов, Ворона. Станешь моей невестой, и придурок отвалит, – от его голоса у меня в груди что-то болезненно жмет, и я комкаю простынь, чтобы утихомирить эту реакцию. Сглатываю спазм в горле и хрипло спрашиваю: – А чем это лучше желания отца выдать меня замуж по расчету? Кривая усмешка и выгнутая бровь искажает черты и тату над дугой, он вновь затягивается и щурится, внимательно глядя на меня. – Тем что за Грохова ты в итоге не выйдешь? – отводит взгляд и тушит окурок о подошву своего кроссовка. Обращаю внимание, что он делает странный акцент на фамилии, но из-за мутности в сознании не успеваю развить эту мысль. Напарываюсь на пронзительный взгляд и без раздумий отвечаю: – Я согласна.ОДНОТОМНИК

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	43
Глава 6	49
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1

Все авторские права на книгу защищены Законом Российской Федерации от 09.07.2023г N 5351-1(ред. от 20.07.2004) «Об авторском праве и смежных правах». Любое использование авторского контента, включая отдельные фрагменты на иных ресурсах без согласия автора, запрещено.

Гулко сглотнув, я ёжусь и в сотый раз проклиная себя за то, что согласилась разрешить ребятам позвать с собой друзей. Поездка не предполагала алкоголь и лишний шум в виде громкой музыки. Но не столько это меня сейчас беспокоит, сколько понимание, что на территории палаточного лагеря я чувствую себя, словно в камере пыток.

Вроде меня окружают сосны, чей скрип слышно отовсюду. Волшебное пение ночных насекомых и птиц. Треск костра, который греет мои руки в ночной прохладе. Но мне совершенно некуда бежать от давящего взгляда, что временами прошивает насквозь. До безумия больно.

Глядя на языки пламени, единственное, чего я хочу — это забыться. Собственно, вся эта поездка с одноклассниками нужна только для того, чтобы отдохнуть с друзьями и ненадолго отвлечься от неприятных мыслей. Вырваться из кокона серости будней и побыть ничтожеством в огромном мире под названием Земля.

Но, видимо, у судьбы на меня другие планы.

— Оль, ты чего тут одна?

Единственный, кто не должен понимать кайфа такого отдыха, это Жанна Зайцева. Будучи самой красивой девушкой в группе, ей вообще не должно улыбаться одеваться в спортивные костюмы и спать в маленьких душных палатках. Таких, как она, завистницы пренебрежительно называют фифами, а парни — зазнайками. Потому что считают её подобных недоступными. Но она всё равно раз за разом ездит со мной на кемпинг, стараясь взять все организационные вопросы на себя. Просто потому, что на самом деле она не такая, как думают остальные.

Оглянувшись через плечо, я вижу наших ребят за раскладными столиками. Они весело проводят время, попивая привезённое пиво и развлекая девчонок забавными историями из жизни. И только один из присутствующих равнодушно сидит на стуле чуть в стороне и делает глубокие затяжки сигаретным дымом, выпуская на волю плотные клубы.

— Я немного замерзла, — отвечаю и действительно ёжусь, но не от холода, а от того, что плечи снова обжигает тяжестью чужого внимания.

— Ты с собой теплых вещей не взяла, что ли?

Качая головой, я подношу ладони к языкам пламени и даже позволяю им пару раз облизать пальцы, после чего растираю подаренное тепло.

Жанна вздыхает, берёт стул и водружает его рядом с моим, чтобы составить мне компанию, в которой я совершенно не нуждаюсь, но, в общем-то, не имею ничего против.

— Таранов задрал уже, — зло выдыхает девушка. — Говорила же, чтобы без проблемных ситуаций. Всё равно, блин, притащил на блюде с голубой каёмочкой. Ты видела Арса и Ежа? У них на лице написано, что уголовники.

Морщусь, не в силах сдержать неприятное чувство, простреливающее грудную клетку и низ живота.

— Я вообще не понимаю, как можно так накосячить? — не унимается подруга. — Нет, это вполне в репертуаре Олега, но, блин! Притащить с собой этих...

Я снова оборачиваюсь и смотрю на виновника Жанкиного негодования. Олежа весело проводит время с Вязиной и даже не собирается раскаиваться. К тому же, помимо упомянутых, здесь находятся и другие ребята, приехавшие за компанию. Их мы точно так же не знаем, но Зайцеву не пугает их наружность, поэтому она и не беспокоится. А вот те двое вызывают безотчетное чувство страха. Хотя я знаю, что Арс и без своих татуировок умеет пугать до дрожи в пальцах одним своим взглядом и выгнутой бровью.

— О, боже! Почему он на нас смотрит? — тихо ужасается Зайцева и дёргает меня за плечо, чтобы я прекратила пялиться в ту сторону.

— Ты красивая, — усмехаюсь я невесело. — Почему ты удивляешься, что парень обращает на тебя внимание?

— Да упаси боже стать объектом внимания такого... — Жанна задумывается, подбирая нужное выражение, но так и не находит ничего подходящего в своём словарном запасе.

И я ей, если честно, тоже не могу в этом помочь. Славин стал самым загадочным парнем в кругу моих знакомых незнакомцев. Поговаривают, что он занимается чем-то противозаконным, но насколько это правда, я не могу знать, даже несмотря на наше общее детство, проведённое во дворах и подъездах.

— Внешность обманчива, — сипло говорю я, вновь протягивая руки к огню. — Кому, как не тебе, фотографу, это знать?

Зайцева фыркает, скрещивает руки на груди и переводит взгляд на костёр.

— Нет, я понимаю, что чаще всего за такой внешностью прячется неординарная личность, но что-то мне подсказывает: это не тот случай. Ты видела тату на его шее?

Видела. И эта татуировка принесла мне не столько ужас, сколько обиду и недоумение. И каждая последующая стала шрамом не на его теле, а на моём несчастном сердце, которое, кажется, давно перестало кровоточить.

— Тату, как тату. — Подтягиваю ноги к себе и обнимаю колени, продолжая созерцать природное явление. — Это всего лишь рисунок, Жан. Только рисунок.

Подруга поджигает губы и умолкает, понимая, что мне эта тема неинтересна. Но в действительности дело вовсе не в интересе: сама мысль об этой татуировке и её обладателе вытягивает из меня последние крупинки удовольствия, которые я получаю от поездки.

Кто мог знать, что Арс — друг Таранова? Кто мог знать, что он захочет поехать с ним на природу за компанию? Скажи мне кто об этом, я бы, не раздумывая, осталась дома, забив даже на то, что сама всегда являюсь инициатором подобных сборищ.

Какое-то время мы так и сидим молча, слушая треск огня и нередкие взрывы смеха, доносящиеся из-за столов. Я иногда чувствую на себе тяжесть стального взгляда и стараюсь не ёжиться, чтобы не привлекать лишнего внимания. А несколько позднее ребята решают присоединиться к нам. Составив вокруг стулья, располагаются на них и начинают отвлеченные разговоры.

И всё ничего, но через несколько минут я слышу голос Хариной:

— Арс, ну пойдем к ребятам, ну чего мы здесь сидеть будем?

Прикрываю глаза и едва не молюсь всем святым, чтобы он отказался. Вот только Арс не святой. Он не слышит и молча соглашается с просьбой моей одногруппницы.

Я стараюсь не смотреть в их сторону, но всё равно краем глаза отмечаю, что парень свободно садится на раскладной стул, широко расставив ноги, а девушка умещается на его колене, обняв за мощную шею.

— Оль, чё грустим? — задает вопрос Саша Дерябин и протягивает запотевшую бутылку пива.

Я качаю головой, потому что не уважаю алкоголь и пьяных людей, но парень будто и не замечает моего отказа.

— Да лан, Олёк, все ж свои, че ты?

— Дерябин, дерябни и отвали от девчонки! — ржут его друзья, с которыми он приехал. Я раздражённо дёргаю плечом и поднимаю голову, внимательно глядя на одноклассника. Не знаю, что он видит, но тут же поднимает руки и отчаливает, не сдерживая скабрезной ухмылки.

— Да лан, Воронова. Я ж с миром. Ну не хочешь, и не надо.

Ничего не ответив, я умещаю подбородок на коленях и мгновенно забываю об этом инциденте. Зайцева пытается разговаривать со мной, но я не хочу. Внутри что-то ворочается и не даёт покоя, как если бы в груди завелась змея, пытающаяся выбраться с помощью своей ядовитой атаки.

Да и нет во мне никакого желания общаться с парнями или заводить новые знакомства. Я как-то привыкла, что после первой попытки обаять меня и пригласить куда-нибудь, позже они испаряются с горизонта, переключая внимание на других девчонок. Не то, чтобы мне хотелось знакомств, нет. Скорее, я удивлялась тому, насколько хорошо развита чуйка у мужчин охотников. Они словно знают, что не вызывают во мне интереса. Или это что-то другое?

— А где Кулябина? — спрашивает толпу Харина.

Я перевожу на неё взгляд и отмечаю, что девушка довольно улыбается, а широкая затапушванная ладонь Арса лежит прямо между её ног. Его пальцы уже пробрались под узкую полоску шорт и медленно поглаживают то, что, в общем-то, не должны гладить прилюдно.

— Они с Ежом пошли пописать, — отвечает кто-то, отвратно при этом смеясь.

Мне мерзко. Я морщусь и отворачиваюсь, понимая, что не могу больше находиться в этой компании. Встаю со стула и плетусь в палатку, зная наверняка, что едва ли смогу сейчас быстро уснуть.

— Оль, ты уже спать?

— Да, — отвечаю Жанне, которая проводит время веселее меня, общаясь с кем-то не из наших.

— Я чуть позже приду, — кричит, чтобы я точно услышала.

И я не отвечаю ей, не беспокоясь особо. Зайцеву никто не обидит — это факт. Полгруппы влюбленных парней, готовых глотки друг другу перегрызть. Вот где проявляется серьезная забота о девушке — в соперничестве.

Забравшись в свой спальник, я подкладываю руку под щеку и закрываю глаза, стараясь уснуть. Но яркие картинки противно вспыхивают в сознании, и я вижу густую выгнутую бровь, сталь в глазах напротив и презрительную усмешку, что вновь и вновь разрывает моё сердце.

Внутренности болезненно скручивает, а к глазам подступают слёзы, но я даю себе мысленного пинка и стискиваю зубы.

Он не тот, о ком стоит вспоминать. Ты же забыла, Воронова! Забыла! С того дня прошла чертова прорва времени, уже не должно быть так остро внутри. Вытянула ведь иголку! Не колет!

— Лгунья! — шепчу в темноту, чувствуя горячую влагу, соскальзывающую из уголков глаз. — Лгунья.

Я пугаюсь раньше, чем понимаю, что происходит. Сердце судорожно колотится и захлебывается в собственном ритме, руки и ноги скованы спальником, а сверху неестественная тяжесть. Чужая рука плотно закрывает мне рот, не позволяя закричать, и в нос забивается терпкий запах спиртного.

— Не ори, сучка. Заорешь, я тебе горло перережу, поняла?

В палатке темно и ничего не видно. Шипение парня распознать невозможно, и я не знаю, кто это. Мне жутко страшно и крайне не хватает кислорода, но я всё равно силюсь рассмотреть лицо, в едва проступающем сквозь плотную ткань палатки лунном свете.

К моему горлу он прижимает что-то холодное, и я не уверена, что это нож, но рисковать не хочется.

– Кивни, если поняла.

И я киваю, осознавая, что у меня нет другого выбора.

Насильник отрывистыми движениями открывает замок на моём спальнике и пробирается в него рукой. Пока я глотаю клочки ужаса, стягивающего моё горло, он резким движением срывает с меня футболку с бюстгалтером и больно сжимает грудь.

Я не выдерживаю и пытаюсь его столкнуть с себя. По горлу прокатывается боль, и я начинаю кричать. Громко, надрывно, но урод быстро справляется с ситуацией и зажимает мне рот, наваливаясь сверху.

Сердце грохочет у меня в ушах, а время растягивается в струну и, кажется, длится целую вечность, пока я борюсь за собственные тело и жизнь. Мычу что-то, стараясь спихнуть его с себя, но он значительно сильнее и тяжелее. Настолько, что под его весом я начинаю задыхаться и слабеть.

Насильник, заметив это приподнимает и замахивается, чтобы ударить меня кулаком в лицо, но что-то происходит, и он буквально вылетает из палатки ногами вперед.

Я рывками хватаю воздух, чувствуя, как саднит горло и приподнимаюсь на локтях. Снаружи кричат что-то девчонки, но сквозь грохот собственного сердца я не могу слышать ни слова.

Меня трясет и корежит, но я все равно выбираюсь из палатки, прикрываясь остатками футболки, чтобы понять, что там происходит и кто это урод. И замираю увидев, как под лунным светом кто-то кого-то откровенно мутузит. Молча и очень ритмично, словно бы ему ничего не стоят все эти удары.

– Оля, что случилось?! – кричит Жанна, хватая меня за руки. – Ты цела?

И я вспоминаю, что мерзавец полоснул мне чем-то по горлу. Провожу рукой и с облегчением отмечаю, что он просто слегка поцарапал меня.

– Я в норме, – хриплю подруге.

И тут кто-то зажег фонарик и осветил жутчайшую картину. Арс сидит на парне и просто превращает его голову в кашу. Я не понимаю, кто перед ним.

– Арс, ты ща глухаря сделаешь. Прекращай это! – кричит его друг Ёж и пытается оттащить парня от обездвиженного тела, но Славин его будто не слышит. Вновь и вновь впечатывает свои татуированные кулаки в окровавленное лицо.

– Да ты же его убьешь! – истерично визжит Харина. – Арс перестань!

Ёж снова пытается его остановить, но и сам едва не получает. А я смотрю на монстра и понимаю, что передо мной вовсе не тот, кого я знала под именем Арсений. Нет. Передо мной мощное и жестокое чудовище. Машина для убийства.

В какой-то момент парень останавливается, продолжая сидеть на своей жертве. Замирает, словно бы понимает, что свидетелей этого изуверства было слишком много и оборачивается, цепляя мой взгляд.

Я на миг забываю дышать от ужаса. Кажется, земля под ногами вот-вот разверзнется и проглотит. А монстр поднимается, стаскивает с себя футболку, подходит и натягивает её на меня, сказав только:

– Прикройся.

Меня обволакивает позабытым запахом его любимого дезодоранта и сигарет. Я невольно делаю судорожный вдох и поджимаю губы. Мой взгляд в этот миг прикован к ужасающему множеству татуировок на его часто вздымающейся груди, которые в свете тусклых фонарей

едва ли различимы. Кажется, на загорелой когда-то коже, нет ни единого свободного сантиметра. Змеи, цветы, птицы, непонятные символы и черепа. Просто бесчисленное множество рисунков, которые – есть дурацкая мысль – рассыпятся, если по ним ударить.

Арс, достает из кармана зажигалку и сигареты, кусает фильтр и подкуривает, глядя на меня так, словно я столб, который мешает ему пройти. Он обхватывает окровавленными пальцами мой подбородок и заставляет приподнять голову, чтобы в свете огня зажигалки рассмотреть шею.

Мы ничего не говорим друг другу, зная, что это будет лишним. Славин просто выпускает мой подбородок и криво усмехается, глядя в мои глаза. После этого зажигалка в его руках тухнет, а я на несколько секунд почти ослепнув, могу рассмотреть только стремительно краснеющий уголек сигареты и его отражение в темных глазах.

Спустя миг монстр уходит, оставляя лишь смутение в душе и свой острый запах на теперь уже моей футболке. Он никогда не примет эту вещь обратно, а я не посмею от неё избавиться.

– Оль, пойдем в палатку, – пытается увести меня Жанна, но я обнимаю себя, глядя на то, как Арс подходит к избитому парню, хватая его за руку и просто тащит куда-то.

Никто не знает, что он хочет с ним сделать, но никто и не лезет, чтобы узнать. Даже Ёж, приобнял свою временную пассию и курит, наблюдая за процессом.

А мне всё ещё страшно.

В свете фонариков, я всё пытаюсь понять, кто это был. А потом замечаю его кроссовки и понимаю, что это был Дерябин.

Морщусь, чувствуя новый спазм в горле и, вспомнив про царапину на шее, погружаюсь в новую тревогу. Завтра прилетает отец. Если заметит, мне несдобровать.

Жанна всё же уводит меня подальше от места происшествия, к костру. Я зябко тяну руки к огню, надеясь унять дрожь, не связанную с прохладой, и наблюдаю за поспешными сборами некоторых парней.

– Он хоть дышит? – тихо спрашивает Зайцева у ребят.

– Без сознания просто. Арс хорошо поработал, – мрачно ответил Потапов. – Ща в больницу повезут.

– А эти остаются? – кинула подруга на наблюдающего издали за кипишем Арса.

И в её голосе я уже не слышу страха. Кажется, теперь она видит в нем защитника, но ещё не до конца уверена в том, что от него есть польза. Скорее уж вред.

– Да, – отвечает парень с усмешкой. – Ты не думай, что этот Арс встанет на защиту любого. Ему обычно вообще плевать, что происходит.

И тут на меня посмотрели. От Жанны мне не хотелось скрывать ничего. К тому же, Потапов был прав: Славину всегда плевать, что происходит вокруг. И это была разовая акция.

– Мы с ним знакомы с детства, – отвечаю, глядя на языки пламени. – Он жил у нас некоторое время, когда его родители погибли, а бабушка попала в больницу.

Я не продолжаю рассказ, считая, что этого достаточно, и даже не реагирую на посыпавшиеся вопросы. К тому же прожил он у нас всего две недели, за которые мы успели сдружиться. А о том, как наши пути разошлись я вспоминать не хочу.

У костра мы сидим уже часа два, и несмотря на уговоры Жанны, в палатку я так и не иду. К тому же, эту ночь она хочет провести с парнем. Поэтому ребята расходятся, и со мной за компанию остается только Виталик Смолин. От него опасности я не чувствую, а даже наоборот. У него такое телосложение, что в драке, я с легкостью сверну ему шею.

– Может чаю заварить? – спрашивает он, подкинув ещё пару полешек в огонь, который мгновенно и с удовольствием на них набрасывается, создавая приятный слуху треск. – Девчонки сказали, что у них всё есть.

– Да, спасибо, – слабо улыбаюсь я, не отводя взгляда от пламени.

С каждой минутой становится прохладнее, и я зябко ёжусь, обняв себя за плечи.

Виталик уходит за чайником, а до меня сквозь шум ночного леса начинают доноситься громкие женские стоны. Изумленно оборачиваюсь, не понимая, кто может быть такой наглой, что даже рот себе закрыть не удосуживается.

Палатка в другом конце лагеря буквально ходуном ходит. Виталик, замечая это тоже застывает, а после усмехается и отворачивается.

И никто, абсолютно никто не реагирует на беспредел. В лагере стояла насмешливая тишина, даже когда парочка пришла к кульминации с криками «О, да, да, да-а-а!». И крики-то наигранные.

Морщусь и отворачиваюсь, стараясь вновь отвлечься на костер и опустошить голову от плохих мыслей.

Смолин уже через несколько минут возвращается с двумя дымящимися кружками и кривой улыбкой на лице.

– Представление окончено, на сцену выходят артисты. Поаплодируем же, – естественно, Виталик ничего не делает, глядя мне за спину. Просто протягивает чай, который я тут же ставлю на землю, и садится на свой стул.

Я оборачиваюсь через плечо и вижу у той палатки Арса в одних штанах и с сигаретой в зубах. Он смотрит на нас, но в тусклом свете фонаря я не вижу выражения его лица. Отворачиваюсь и обнимаю ладонями горячие бока кружки.

– Животное, – фыркает Смолин и отпивает напиток, переводя взгляд на меня. – Всегда удивляло, что в таких как он ничего человеческого нет. Ни совести, ни жалости.

Смотрю на парня и понимаю, что у него к Арсу что-то личное. Равнодушные не смотрят с такой едкой ненавистью.

– Он тебе что-то сделал? – спрашиваю тихо, поглаживая свои плечи.

Виталик не сразу отвечает. Смотрит на огонь и поджигает губы, явно сдерживая порывы вылить всё, как на духу.

– Этот хренов аферист, кинул моего отца на крупную сумму. Мы пробовали на него заявление написать, но уполномоченные только руками развели, мол, юридически всё было чисто. А при личном разговоре с одним из моих братьев, он ему нос сломал и отправил в больницу на неделю с тяжелым сотрясением.

Смотрю на парня, раскрыв рот и чувствую, как по спине ползут противные мурашки. Дрожащими руками беру кружку и делаю глоток.

– А как вы вообще с таким, как Арс связались? – спрашиваю удивлённо. – Да по его виду любой скажет, что он уголовник!

– Действительно, – слышу смешок над головой и сжимаюсь вся. – Исчез.

Виталик, несколько секунд смотрит на монстра, а затем поднимается и уходит, забрав с собой кружку.

Я не вижу Славина, но прекрасно чувствую, что он стоит за моей спиной. Молча опускаю чай на землю и уже собираюсь встать, как на мои плечи ложиться теплая толстовка.

По венам прокатывает огонь, а грудную клетку словно шилом пронзает. Я делаю глубокий вдох и уже собираюсь сказать, что не нуждаюсь в его вещах, как он опережает меня резким:

– Заткнись.

И я закрываю рот, леденея от обиды.

Арс обходит костёр и занимает стул напротив, где только что сидел мой одноклассник. Он располагается, широко расставив ноги и глядя на меня поверх пляшущих языков пламени. Я так же молча рассматриваю его татуировки, особенно отмечая хищную птицу, раскинувшую острые крылья на его груди и оскалившийся череп на шее в окружении чёрных роз, который так не понравился Жанне.

Мы молчим, но, кажется, треск костра и шум ночного леса лучше всяких разговоров демонстрируют напряжение между нами.

Славин кривит губы, но вовсе не потому, что его что-то веселит, а потом достаёт из кармана штанов пачку и зажигалку, отчего я хочу поморщиться, но сдерживаюсь.

Он знает, что я ненавижу запах сигарет. Но кажется, будто намеренно стремиться воплотить в реальность абсолютно всё, что вызывает у меня отвращение и презрение.

– Тебя не потеряют? – спрашиваю, переводя взгляд на огонь.

Монстр ничего не отвечает, но я ощущаю его тяжёлое внимание. Мне хочется уйти отсюда, но я противоречиво чувствую в его компании безопасность. А в палатке холодно, страшно и...

– Тебя это трогает?

Я возвращаю взгляд на его лицо и отмечаю вопросительно выгнутую бровь. Не то, чтобы ему действительно интересно, но иногда у Арса очень выразительная мимика и он умеет этим пользоваться.

Выдыхает в небо сгусток плотного дыма и усмехается, не отводя от меня взгляда. Моё сердце в этот момент готово взорваться, как ядерная бомба, но я стараюсь даже не дышать, потому что мы оба знаем правильный ответ. Знаем, но никогда больше не скажем об этом вслух.

Взаимное признание прозвучало однажды. Оно осталось огромным рубцом на моём кровоточащем сердце и первой татуировкой, осквернившей мои тайные чувства на его шее.

Я сильнее кутаюсь в тёплую толстовку и опускаю голову, чтобы скрыть взгляд за тёмной чёлкой. Славин же швыряет окурки в огонь и устраивается удобнее, явно не собираясь уходить.

Не знаю сколько мы так сидим. В итоге согретая и разомлевшая, я на миг прикрываю глаза, но засыпаю не в силах бороться с последствиями ушедшего дня.

И только утром я открываю глаза и понимаю, что осталась одна. Судя по всему, Арс ушел давно. Костер догорел без подбрасываемых поленьев и даже перестал уже дымить.

С первых секунд я погружаюсь в рассветные звуки. Звонкое пение птиц доносится отовсюду, смешиваемое с шумом ветра, качающим скрипучие сосны. Воздух ещё прохладен и влажен, оттого несёт в себе насыщенный запах хвои.

Я тянусь, разминая затекшие мышцы и вспоминаю, что на мне толстовка Славина. Улыбаюсь и кутаюсь в неё поплотнее, прижав воротник к носу и глубоко вдыхая острый запах ненавистного сигаретного дыма и дезодоранта известной фирмы, обещающей изобилие женского внимания.

Я могу ненавидеть себя за слабость в эту секунду. Могу, но вместо этого продолжаю радоваться новому дню, совершенно позабыв о пережитой ночи. Потому что мама с детства учила искать счастье в мгновениях, которые составляют основу целой жизни.

– Доброе утро, – кричит Жанна, выходя из палатки. – Прости, я должна была остаться с тобой.

– Ничего, – отвечаю с улыбкой. – Я была не одна.

– И с кем же? – спрашивает удивленно, глядя на чужую толстовку.

– Со Скамом, – хмыкает Виталик тоже выбираясь на улицу. – Они с Олегом и Ежом двадцать минут назад уехали.

– Скам, – шепчу, прокатывая слово на языке.

Так называют финансовые пирамиды в интернете, которые перестают функционировать. Да и вообще любые проекты, прекращающие выполнение своих обязательств.

– И кто же такой Скам?

Жанна подходит и целует меня в щеку. Я отмечаю, что подруга помятая и явно не выспавшаяся, но молчу, решив оставить этот разговор до отсутствия свидетелей ему.

– Арс, – отвечаю ей. – Он сидел со мной, пока я не уснула.

Девушка во все глаза смотрит мне в лицо и делает судорожный вдох.

– Он тебе ничего не сделал?!

Улыбаюсь в ответ. Жанна Зайцева умеет ставить в тупик непроходимо глупыми вопросами, и это делает её забавной.

– Я же спала, – отвечаю мягко и снова потягиваюсь.

Кажется, мое настроение приходит в норму. Я стараюсь забыть о прошлой ночи, как о страшном сне и принимаюсь помогать ребятам с завтраком. Вскоре под звуки нашего веселого разговора о практике и дурацких темах дизайнов от Кашировой просыпаются и остальные.

Уже к обеду мы принимаемся сворачивать обустроенный лагерь. Кто-то из ребят желает остаться ещё на одну ночь, а кто-то решает узнать, как обстоят дела с Дерябиным. На мобильный он не отвечает, поэтому Панчев и Лавина решают заехать к нему домой. Он хоть и подонек, но я даже переживаю не убил ли его часом Арс. Не хочется, чтобы его посадили в тюрьму из-за такого уроды.

Домой я добираюсь только ближе к вечеру. Целую маму в щеку, разгружаю свои вещи и спускаюсь к ужину, где обнаруживаю довольного отчима, сжимающего мобильный.

– Что ж, – улыбается он. – Сегодня мы договорились о дате свадьбы.

У меня в груди всё обрывается, и я уже не сажусь на стул. Я на него буквально падаю, не в силах сдерживать шок.

Глава 2

Сердце стучит в висках, а в груди всё горит огнем. Горло саднит, а щека всё ещё пылает от тяжелой пощечины.

Я бегу по лестнице, слыша крик человека, к которому до этого дня старалась относиться с уважением. Только ради мамы. Ради той, кто любит несмотря ни на что. Вот только он переступил через границы дозволенного.

Первый этаж, дверь подъезда и свет уличного фонаря бьет по глазам. Я плохо соображаю от паники и удара, но понимаю, что мне срочно нужна машина. Телефон я оставила дома, а значит нужно бежать на дорогу, что я и делаю, пока на парковке не замечаю два знакомых байка и одного водителя.

– Ёж! – хрипло кричу, подбегая. – Подвези!

Парень снимает шлем и оборачивается на хлопок двери за его спиной. Я тоже обращаю внимание на это и сглатываю, когда Славин неспешно шагает к нам и поднимает визор.

– Пожалуйста, подвези. Мне очень нужно!

Но Ёж только пожимает плечами, мол, извини, я здесь не решаю.

Арс подходит и в упор смотрит на меня, после чего стягивает перчатки и лезет в карман кожаной куртки, откуда достает несколько купюр и сует мне в руки.

– Такси вызови, – отвечает равнодушно.

Ёж ухмыляется и одевает шлем, а я швыряю эти деньги в придурка, понимая, что без телефона такси вызвать нереально.

Мне становится больно. Больно там, где давно уже не должно ничего ёкать.

– Да иди ты! – кричу в ответ, не сдерживая больше слез.

Разворачиваюсь и мчу через двор, надеясь, что отчим не натравит на меня своих псов, а Славин сгинет с этой планеты.

Мне больно, мерзко и одиноко. Я сама себе кажусь грязной, хоть и не сделала ничего, чем могла бы испачкаться в собственных глазах. Помолвка с Гроховым три года назад была жестокой шуткой отчима. По крайней мере я так считала до сегодняшнего вечера. До того, как он сообщил, что Грохов намерен узаконить отношения, которых нет.

И я не давала своего согласия на этот брак. Меня снова забыли спросить.

Мысли кусают меня, как голодные мясные мухи, заставляя вновь и вновь возвращаться к точке отсчета. Отчим сразу сказал, что шанса отказаться у меня нет, а любая попытка противостоять приведет лишь к его негодованию.

Это не впервые, когда он поднял на меня руку. После того, как мама с отцом развелись, я осталась жить с ней, а папа уехал в Испанию, где счастливо проживает со своим новым семейством. Отчим сразу дал понять, что легко с ним не будет. Любые мои заскоки встречал с ремнем в руках и обещанием выпороть. Пару раз я даже получала, и вмешательство мамы не помогло. Перед Сомовым она оказалась такой же беззащитной.

Я не хочу её осуждать, да и не пытаюсь. Как может она помогает, чувствуя свою вину. Ведь ей и самой приходится очень тяжело. В такие моменты она старается принять удар на себя, и отчим это понимает, оттого свирепеет сильнее.

Судорожно хватаю ртом воздух, оказавшись под светом фонарей местного отделения полиции. Толкаю дверь и вхожу в холл, привлекая внимание дежурного.

– Что у вас случилось? – спрашивает мужчина лет сорока.

Я на миг поджимаю губы, но все же решаюсь сказать:

– Я хочу заявить на своего отчима. Он... он принуждает меня к браку и применяет силу.

Мужчина кивает, делая какую-то запись на листке, уточняет данные и снова кивает в сторону.

– Присядьте пока, вас пригласят.

Усмехаюсь невесело, понимая, что сидеть не смогу. Дрожь прошивает всё тело, а оно в свою очередь не хочет находится в состоянии покоя и режущими волнами требует действий, разгоняя горячую кровь по лабиринтам вен.

Я спую туда-сюда, меряя небольшой холл шагами и всё пытаюсь представить, что будет дальше. Что сделает Сомов, когда узнает, что я написала на него заявление в полицию, и как отреагирует Грохов.

Грохов... Прожжённый престарелый бизнесмен, который и сам не понимает, зачем ему нужен этот брак. У него есть дети, внуки и состояние, которое наверняка обеспечивает его личными шлюхами. Зачем ему кто-то вроде меня? Для развлечения?

Сомов тоже не может объяснить этого. Он довольствуется лишь привилегиями, которые расширят сферу его влияния, а об остальном и не заботится вовсе.

Меня всегда удивлял круг его общения. Если ты не бизнесмен с близкими связями в их общине, но имеешь крупный банковский счет, то ты всё равно ничего не стоишь. Даже новые знакомства не помогут тебе расшириться и увеличить капитал, поэтому-то Сомов и ухватился за желание Грохова. Заделался сутенёром, будто это не уголовно-наказуемо в нашей стране.

– Воронова, проходите в сто семнадцатый кабинет.

Я киваю и подхожу к решетке, которую мне тут же открывают, пропуская внутрь.

В жутком напряжении и с колотящимся в груди сердцем, я не замечаю отделку коридора. Выискиваю нужную табличку среди прочих и открываю дверь в кабинет, чтобы равнодушно мазнуть взглядом по такому же равнодушному лицу.

– Присаживайтесь, – указал на стул мужчина. – Я вас слушаю.

И я принимаюсь скомкано, но довольно точно рассказывать обо всем с самого начала. О том, что Сомов принудил меня к помолвке, угрожая жизнью матери, и уже три года пытается подложить в чужую постель. И вот сейчас замужество.

Следователь кропотливо записывает за мной каждое слово в течении минут тридцати. Задает дополнительные вопросы, а временами цинично улыбается, ввергая меня в ступор.

И только, когда в дверь стучат, я понимаю в чем дело. В кабинет с улыбкой входит Сомов. Мажет по мне убийственным взглядом и жмет следователю руку, протягивая плотный белый конверт.

– Беспокоится не о чем, надеюсь? – с улыбкой спрашивает отчим.

Меня же трясет. Я поднимаюсь со стула и бегу к двери, но за ней меня встречают ненавистные псы, которые не скрываясь заламывают мне руки и пихают в рот таблетки. Я стараюсь укусь, но они сильные и их много. Поэтому в конечном счете, через десять минут я теряюсь в собственных мыслях, которые распыляются туманом в голове.

Утром мне будет очень плохо. Но ещё хуже, что я знаю, кто будет рядом с кроватью, когда я проснусь.

Самое неприятное с утра – это проснуться и осознать, что твои ожидания худшего свершились.

По крайней мере, в моем случае, утро мог испортить только Грохов сидящий у кровати с бутылкой элитной воды.

Я ещё только открываю тяжелые от препарата веки, но уже знаю, что он здесь. Знакомый аромат неизменного одеколона забивается в ноздри и бьет прямо в мозг.

– Доброе утро, – бросает он и протягивает руку к моему лицу, чтобы погладить скулу.

– Хорошо спалось?

Но я не чувствую ничего. Никакого желания отвечать что-либо на его короткие рубленые фразы или дурацкие вопросы, которыми он пытается завязать беседу. Я не чувствую даже

желания отодвинуться, потому что мне абсолютно всё равно, даже если он сейчас залезет на меня и попытается взять.

Убойная доза лекарственных препаратов перед встречей с этим престарелым уродом давно стала для меня нормой. Ведь только в таком состоянии я не закатываю истерик, и не верещу о том, что не выйду замуж. Просто мне тяжело хоть слово продавить сквозь слипшиеся губы.

– Как же ты похожа на неё, – в сотый раз сообщает мне Грохов. – Даже выглядишь так же болезненно.

Я не знаю о ком он. Грохов не рассказывает ни мне, ни Сомову, да я и не стремлюсь узнать. Единственное чего мне хочется – это избавиться от контактов с ним и забыть, как о страшном сне. Но кто будет интересоваться моими желаниями, если я разменная монета? Товар?

Он находится со мной в комнате ещё минут десять. Внимательно рассматривает своими бегающими карими глазами и тянет губы в кривой улыбке.

– Мы сошлись на сроке через два месяца, Ольга. Денег я уже выделил, поэтому спокойно готовься к свадьбе. Надеюсь, к тому времени ты уже свыкнешься с этой мыслью, и мы снова сможем уменьшить дозу.

Я приоткрываю слипшиеся губы и проталкиваю через них слова, которые никто не слышит. Грохов хмурится, но всё же склоняется к моему лицу.

– Пошел в жопу!

И этого хватает, чтобы самоуверенного придурка перекосило. Он резко вскакивает с кресла и вылетает, хлопнув дверью.

Я знаю, чем это обернется, но всё равно улыбаюсь, когда через десять минут в комнату входит взбешенный Сомов с перекошенным лицом и наносит мне несколько сильнейших ударов кулаком по лицу. Я даже понять ничего не успеваю, потому как до этого момента дальше пощечин и попытки придушить он не заходил.

Я мгновенно теряюсь и проваливаюсь в темноту.

В следующий раз прихожу в себя от острой боли, запаха спирта и тихих всхлипов. Едва ли могу открыть глаза. Один точно заплыл и маму я не могу им нормально рассмотреть.

– Прости меня, – всё время повторяет она. – Прости, Оленька. Я вызвала врача, он скоро будет. Увезет в больницу.

Молчу, понимая, что никто меня из этого дома ещё очень долго не выпустит, но мама, видя моё сомнение бросает опасливый взгляд через плечо, а понимая, что никто её не подслушивает тихо говорит мне:

– Его нет дома. Приедет мой хороший знакомый и вывезет тебя под предлогом серьёзной травмы.

Я всё ещё сомневаюсь, что ей потом не достанется, но всё же киваю, отмечая про себя, что меня подташнивает, да и мысли в голове несколько путаются.

Минуты вдруг начинают тянуться нескончаемой вереницей, в которой ничего кроме пустоты и ожидания нет. Мама поглаживает мою руку и беспрестанно просит прощения, а я лежу с закрытыми глазами, потому что даже неяркий свет режет глаза, заставляя мозг болезненно сжиматься.

Когда приезжает врач, мама вдруг меняется в лице. Я не понимаю, что это значит, но меня радует, что плакать она перестает.

– Здравствуйте, Ольга, – улыбается мне высокий мужчина в белом халате.

– Здравствуйте, – хрипло отвечаю, щурясь от боли.

– Меня зовут Игорь Константинович. Давайте осмотрим вас.

Я невольно отмечаю высокие скулы и серьезный взгляд, который резонирует с обаятельной улыбкой. Он очень симпатичный. Наверное, поэтому мама старается не смотреть в его

сторону. Если Сомов узнает о равнодушии мамы, а оно явно имело место быть, этого человека никогда не будет на пороге дома.

Доктор осматривает мои синяки, изредка бросая взгляд на дверной проем, в котором стоял охранник. Светит фонариком в глаза и сжимает челюсть, когда я жмурюсь и морщусь. Делает какую-то запись в блокнот и крайне серьезно сообщает маме:

– Скорее всего сотрясение. Нужно везти в клинику и подтверждать диагноз.

Мама мгновенно хватается за телефон и выходит из комнаты, но до нас все равно доносится её дрожащий голос:

– Артём, её осмотрели. Доктор говорит, что это, скорее всего, сотрясение. Её нужно везти в клинику. Да. Нет! Ты не можешь держать её дома в таком состоянии! Артем, послушай, что ты говоришь. Ты покалечил мою дочь и собираешься оставить её вот так? Её увезут прямо сейчас!

Мы с Игорем Константиновичем переглядываемся и я слабо улыбаюсь.

– Со зверем спорит? – тихо спрашивает он, на что я снова морщусь.

– С животным, – отвечаю коротко, не имея сил даже на поддержание разговора.

Но доктор понимающе кивает, делая новую запись в блокноте.

Мама быстро возвращается в мою комнату и достает из шкафа первую попавшуюся футболку и штаны, на что врач качает головой.

– Это ни к чему, она в пижаме. Сейчас ей нужен покой. Вещи привезете позднее.

Мама сдается, обессиленно опуская руки. Доктор помог мне подняться, но когда мы уже собрались выходить охранник Сомова преградил нам дорогу. Но ровно до слов мамы, что они должны доложить своему начальству. Ситуация разрешается довольно быстро и уже через пять минут я выхожу из подъезда.

Знакомое чувство тяжелого взгляда на плечах, я ощущаю почти сразу. Потому поднимаю глаза к окнам дома напротив и невольно кривлюсь, когда вижу на балконе курящего Арса. Не знаю, что происходит в эту секунду, но мне на миг кажется, что он очень зол на меня. Правда, это ощущение тут же теряется, когда он делает новую затяжку.

– Нормально себя чувствуешь? – слышу вопрос мамы.

Не нормально. Кружится голова и тошнит. А ещё мне совсем не хочется отвечать на этот вопрос, потому я отвожу взгляд от боли знакомого балкона десятиэтажки и болезненно вдыхаю утренний влажный воздух, после чего сажусь в машину скорой помощи частной клиники.

Добираемся мы быстро, но я никак не могу избавиться от тяжелых злых взглядов. Кажется, что, если бы Арс был рядом он бы повторил действия Сомова. Такие думы меня пугают, но уже в момент, когда меня начинают возить по кабинетам, я отвлекаюсь.

Сотрясение действительно подтверждается. Об этом нам с мамой сообщает Игорь Константинович, уже находясь в моей уютной палате.

– Как минимум пару дней она должна находиться в состоянии покоя. Обследование показало, что сотрясение есть, но осложнений серьезных выявлено не было. Поэтому лечение ей назначили стандартное для таких ситуаций. Обезболивающее, успокоительное, ноотропы и... – мужчина подходит к тумбочке и берет мой телефон, чтобы тут же отдать маме. – Никаких телефонов, телевизоров, книг и музыки.

Я слетаваю, но не возражаю. Не имею ни малейшего представления, чем можно заниматься в постели два дня, не имея доступа к развлечениям.

Когда они уходят, я начинаю понимать, почему был запрет. Мне нужен сон, а гаджеты лишь занимают внимание, не позволяя глазам и мозгу расслабиться. Стираю с распухшего от кровоподтека века слезу и осторожно переворачиваюсь на бок, после чего почти мгновенно засыпаю.

Так протекает день, второй. Врач заметил снижение аппетита, но на самом деле есть вообще не хотелось, поэтому приходилось в себя впихивать хотя бы порцию пудинга и чай. Хотя и тошнило безбожно после этой процедуры.

Мама практически не выходит из палаты, на что я не против, но вот доктор настаивает, что ей тоже нужно отдыхать, потому отправляет её домой или в свободную палату, где она перехватывает несколько часов сна.

Сейчас она уехала, потому я лежу, глядя в потолок. Жутко хочется встать и походить, чтобы размять затекшие мышцы и в какой-то момент, я прям чувствую, что мне это жизненно необходимо.

Поднимаюсь с постели и осторожно выбираюсь в светлый коридор. Сейчас вечер, потому врачей практически нет, зато полно гуляющих пациентов. И я даже собиралась составить компанию нескольким больным, играющим в карты в холле, но знакомое чувство заставило замереть и обернуться.

Посреди коридора стоит Славин, лениво разглядывая людей. Вокруг него образуется пустота, потому что все стараются избегать монстра с жутким взглядом, покрытого страшными татуировками. Он одет в кожаную куртку и держит шлем в руках, чем так же привлекает внимание многих.

Арс скользит по коридору взглядом и цепляет меня. Щурится, но всё же делает тяжелый шаг, затем ещё один и ещё.

А я смотрю на него и даже сдвинуться с места не могу. Кажется, что приросла к нему намертво. И когда Славин подходит, рассматривает мое лицо и жутко кривит губы в презрительной усмешке, я не нахожу в себе сил даже, чтобы поздороваться.

– Ворона, ты дура, – выплёвывает он, хватая меня за рукав пижамы. – Где твоя палата?

Открываю рот, чтобы возмутиться, но Арсу хватает одного режущего взгляда, чтобы я заткнулась. Указываю на дверь и послушно шагаю следом, ежась от неприятного любопытного внимания пациентов. Голова закружилась чуть сильнее, отчего я прикусываю губу. Это слегка приводит в себя. И мне только немного становится легче, когда Славин пропускает меня в помещение и закрывает дверь. Я тут же забираюсь в койку и откидываюсь на мягкие подушки.

Монстр присаживается на стул и кладет ставит на тумбочку, сдвигая в сторону букет цветов, купленный мамой, чтобы аромат роз сбивал больничные запахи дезинфицирующих средств и лекарств.

Арс приковывает всё своё внимание к моей персоне, и я снова начинаю чувствовать себя не в своей тарелке.

– Рассказывай, – вскидывает руку и трет татуировку над бровью, когда я поднимаю на него глаза.

До меня никак не дойдёт, что он тут забыл. Зачем пришёл? Я внимательно разглядываю его, и он это замечает. Кривит губы в презрительной усмешке и тянется к карману куртки, чтобы достать пачку и подкурить сигарету.

– Это больница, – возражаю сипло.

– Плевать.

– Моя палата, – настаиваю на своём.

Но он будто не слышит. Прикуривает и с явным наслаждением тянет дым, с секундной заминкой выпуская его на свободу плотным клубом. Я отвожу взгляд и стараюсь не думать, что этот запах вьется в мебель и ткань, чтобы потом преследовать меня ночами.

– Я жду.

На этот раз взгляда не поднимаю. Стараюсь вообще абстрагироваться от его присутствия и прогоняю воспоминания, когда он вот так же сидел в моей комнате, держа меня за руку и улыбался словно ангел.

– Что тебе рассказать?

В ответ я слышу усталый вздох. Поворачиваю голову и напарываюсь на косой взгляд. Бровь монстра приподнята и выражение его лица мне не нравится. Я явно его раздражала.

– Ворона, – зовет он, отведя взгляд и делая новую затяжку. – Не беси, – хрипло.

Я ничего не отвечаю. Просто смотрю и жду пояснений, которые не поступают в ближайшие секунды, отчего только сильнее начинаю нервничать. Мну плед пальцами и сглатываю вязкую слюну. В голове туман и мысли тормозят, но несмотря на это я понимаю, что Славин может что угодно выкинуть.

Он склоняет голову набок и снова бросает на меня косой взгляд, после чего кивает, указывая на меня же.

– Кто?

Да уж.

Вопрос, которого не ждешь от такого, как Арс. Раньше он никогда не интересовался моими делами из праздного любопытства. Вероятно, и в этот раз не просто так спрашивает. Вот только отвечать я не стану, пусть хоть всю палату насквозь прокурит.

Отвожу взгляд в сторону окна, подбираю колени и перебираю ткань пледа пальцами. Монстр прекрасно понимает, что я делаю и с тихим, каким-то зловещим смешком встает со стула, обходит мою кровать и заглядывает за её спинку, где лежит карта пациента. Я даже вдохнуть не успеваю, как он вытаскивает её и открывает, чтобы прочесть.

– Ты не имеешь права! – хриплю, пытаюсь резко вскочить, но голова нещадно кружится и это вынуждает меня упереться руками в кровать.

– Расслабься, – я слышу, как он делает новую затяжку и жмурюсь, пытаюсь не воспринимать отвратительный запах, заполнивший всю палату. – Только хуже себе делаешь.

– Что тебе нужно, Арс?

– М-м-м? – тянет издевательски, вынуждая меня поднять голову и посмотреть на насмешливо приподнятую бровь и однобокую улыбку. – Не Арсюша? Не Сеня?

Ласковые сокращения больно режут в груди. Там что-то вот-вот лопнет, но я не хочу обращать на это внимания. Куда сильнее меня заботит собственное спокойствие, но пока есть лишний источник шума, я не смогу закрыться.

– Иди ты! – Отвечаю очень грубо.

Лицо парня мгновенно принимает серьёзный вид, а глаза берут жуткий прищур.

– Бесишь, Ворона. Кто это сделал?

Отводит взгляд на медкарту и снова затягивается наверняка горьким смогом. Я и сама почти чувствую, как горло на миг схватывает плотным дымом. Сглатываю и снова откидываюсь на подушки, прикрывая глаза и глядя на парня сквозь ресницы.

– Зачем тебе?

Монстр кладет карту на место, глядя на меня обходит кровать и садится на её край, закинув ступню на своё колено и перехватив её рукой.

– Затем что мы можем друг другу помочь.

И его взгляд серьёзный и цепкий. Он словно отслеживает все эмоции, которые могут проскользнуть на моём лице. И они, наверное, были бы, если бы я понимала, чего он хочет.

– Чем же ты мне поможешь, Славин? У жениха уведешь? – усмехаюсь я невесело. – Так он тебя как таракана размажет.

В ответ только равнодушный взгляд и новая затяжка почти докуренной сигареты.

– Серьезно. Просто уходи.

– Будешь моей невестой, – произносит спокойно.

У меня же внутри всё вздрагивает от этих слов. В ушах резко начинает стучать, а в глазах темнеть. Порция адреналина дала о себе знать головокружением и желанием провалиться сквозь землю.

– Что? – проталкиваю сквозь горло.

– Временно. Мне нужно добраться до Зубова, а без участия Сомова это сделать невозможно. Поэтому я предлагаю тебе сделку.

– Да он же... – я заминаюсь на миг, пытаюсь подобрать слова, а после беру себя в руки.
– Отец не позволит, он... – прикладываю ладонь к лицу и провожу по синяку. Отек уже почти спал, но я знала, что там сейчас желто-фиолетовое нечто. – Он не позволит.

– С этим я тоже разберусь, – отвечает прохладно.

– Да, но Грохов...

– Он никто.

Я с ним категорически не согласна. Грохов тот, кому человеческий фактор вообще не помеха. Такие, как он, говорят, что, если нет человека – нет и проблем. Потому конкуренты предпочитают с ним не связываться, а подчиненные действовать, строго следуя каждой букве.

– У тебя больше нет вариантов, Ворона. Станешь моей невестой, и придурок отвалит, – от его голоса у меня в груди что-то болезненно жмет, и я комкаю простынь, чтобы утихомирить эту реакцию.

Сглатываю спазм в горле и хрипло спрашиваю:

– А чем это лучше желания отца выдать меня замуж по расчету?

Кривая усмешка и выгнутая бровь искажает черты и тату над дугой, он вновь затягивается и щурится, внимательно глядя на меня.

– Тем что за Грохова ты в итоге не выйдешь? – отводит взгляд и тушит окурок о подошву своего кроссовка.

Обращаю внимание, что он делает странный акцент на фамилии, но из-за мутности в сознании не успеваю развить эту мысль. Напарываюсь на пронзительный взгляд и без раздумий отвечаю:

– Я согласна.

Славин едко усмехается, мол, ещё бы ты не согласилась. Берет шлем с тумбочки и командует мне:

– Собирайся. Лечение продолжишь дома.

– Дома? – не верю я своим ушам.

От этого слова у меня внутри все переворачивается, словно раскуроченная вселенная. Я давно не считаю дом Сомова своим. Вернее, не так. Я никогда не считала его своим домом.

– У меня дома, Ворона, – хмыкает Арс.

Смотрю на него несколько долгих секунд в ожидании, что монстр рассмеётся мне в лицо и покачает головой, но понимаю, что он вообще-то не шутит.

– Это невозможно, – отвечаю сухо, понимая, что едва дышу. – Я останусь в клинике.

Но Славин на мои слова только губы кривит, после чего подходит к стене и открывает створки встроенного шкафа. Я понимаю, что он собирается сделать, но совершенно не имею сил, чтобы помешать ему.

Сначала на кровать полетели мои футболка и джинсы, затем носки, а после, когда дело дошло до нижнего белья... Я сделала глубокий вдох и понадеялась на благоразумные действия со стороны парня.

Зря надеялась.

Арс завис на черных кружевных трусиках. Вздернул бровь, внимательно разглядывая, а затем посмотрел на меня, отмечая, что я в больничной пижаме.

– Это уже слишком, Славин! – шиплю я, предпринимая попытку подняться с кровати, что получается вполне успешно. – Проваливай. Я останусь здесь. Здесь я в безопасности!

Несколько шагов и я вырываю тонкую ткань из длинных пальцев, покрытых татуировками.

– В такой же безопасности, как в отделении полиции?

До меня доходит, что он обо всем знает. Я смотрю на него, ожидая пояснений, вот только Славино нет дело до чужих желаний. Требовать объяснений бессмысленно.

Возможно, мне нужно настоять на своем, но ведь он прав. Сомов любые вопросы решает деньгами и силой. Ему не помеха даже органы власти, чего уж говорить о частной клинике? Ему разве что мамин доктор может помешать, который навещает меня едва ли не чаще неё самой.

Но я всё равно не представляю себе, что прямо сейчас поеду к Арсу и буду жить у него. Это же напротив дома Сомова, куда мне путь заказан!

– У тебя мне безопаснее не будет. Он же мгновенно узнает обо всем.

– Это вряд ли, – хмыкает, разглядывая меня. – Переодевайся. Я жду за дверью.

И он выходит, прикрыв за собой упомянутую. Я остаюсь посреди палаты и растерянно смотрю на свои вещи. Мне почему-то очень хочется ему верить, но я не знаю, могу ли.

В душе царствует хаос и кошки скребут. А также я думаю о маме. Не навредит ли ей Сомов, когда обо всем узнает. Хотя он никогда не поднимал на неё руку, ведь эта женщина приспособилась и нашла способ огибать крайне острые ситуации. Жаль, выхода так и не нашла.

Сменив одежду и собрав свои вещи в рюкзак, я открываю дверь и натываюсь на тяжелый взгляд Арса. Он осматривает меня с головы до ног, будто впервые видит, подходит и надевает мне свой шлем. Мир мгновенно немеет, а я тону в приглушенных звуках и смотрю на монстра сквозь тонированное стекло визора.

– Я не ездила на мотоциклах! – в голосе отчетливо звучат нотки паники, но Славин усмехается криво и осторожно разворачивает меня лицом к двери, обняв одной рукой за плечи.

– А я не говорил, что ты с сотрясением поедешь со мной на мотоцикле.

Мы выходим из коридора, минуя ресепшн. В холле я вижу людей Сомова. Узнаю в лицо. А вот они мажут по нашей странной парочке взглядом и теряют всякий интерес. И здесь я понимаю, что любой, кто меня знает никогда не свяжет мою персону с таким типом, как Арс. Мы настолько разные, что любая связь почти противоестественна. Я и сама так думала ещё пару дней назад. Этот парень после значительных изменений потерял ко мне всякий интерес, а я... А я просто не люблю все то, что он делает.

Как только мы выходим из клиники, монстр усаживает меня на сиденье какой-то раритетной машины. Раритетной, но такой вылизанной, что я на миг сомневаюсь, что она принадлежит кому-то вроде него.

Снимаю шлем и пристегиваюсь, стараясь не думать ни о чем.

Приезжаем мы и вовсе на другой адрес. В частном секторе нас встречает высокий забор и автоматические ворота, которые открываются, как только мы подъезжаем к ним. При въезде я вижу светлый двухэтажный коттедж и большую придомовую территорию.

– Дом знакомых? – удивленно спрашиваю, разглядывая залитую солнцем зеленую лужайку.

– Вроде того, – неохотно отвечает парень и паркует машину.

Я выхожу и не тороплюсь за ним, жадно разглядывая сам дом и ландшафт. Мне очень нравится то, что я вижу. Светло, просторно и уединенно. А ещё здесь совершенно никого не было. Это я понимаю уже когда вхожу внутрь и натываюсь взглядом на необжитую обстановку. И запах... как в клинике. Стерильный. Здесь не пахнет ни сигаретами, ни уютом.

– Располагайся. Наверху две спальни. Выбирай любую.

Глава 3

В доме действительно все было стерильным. Ни фотографий, ни лишних вещей, которые хоть как-то обозначали бы принадлежность здания к его владельцам.

Я обвожу взглядом белые стены и в сотый раз задаюсь вопросом: что я тут делаю?

Спасение от Сомова привело меня к человеку, с которым мне в последнюю очередь стоит сталкиваться, а я собралась с ним жить под одной крышей? Мне страшно представить, что сделает Грохов, когда узнает, где я и с кем.

Глубокий вдох и я прикрываю веки, чтобы выбросить из головы все лишнее. Мне важно, чтобы со мной и мамой было все в порядке. А Славину в вопросах своей безопасности я доверяю чуть больше, чем отчиму. Нет, не чуть. Многим больше.

Ещё один глубокий вдох. Снова обвожу взглядом белые стены решаю прогуляться. Осмотреть придомовую территорию, воздухом подышать и подумать о чем-то нейтральном, чтобы не напрягать болезненно сжимающийся мозг.

– Тебе прописано лежать несколько дней, – застаёт меня в дверях голос парня.

Я вздрагиваю и впиваюсь пальцами в дверной косяк. Оборачиваюсь через плечо и растягиваю губы в ироничной улыбке.

– Ты поэтому похитил меня из больницы?

Арс суёт руки в карманы джинс и вздергивает бровь с татуировкой, надпись которой я до сих пор пытаюсь разобрать.

– Не похищал, но мне нравится эта мысль. Продолжай.

Что именно ему нравится в этой мысли, я не знаю, а посему просто жму плечом и выхожу на улицу. Оглядываюсь по сторонам, замечая, что кто-то аккуратно рассадил пушистые деревья вдоль забора, а в углу образовалось укромное место, в котором царила прохладная тень.

Улыбаюсь, представляя, что там можно было бы построить беседку с мягкими креслами и сидеть по вечерам с книжкой и чашкой зеленого чая. Наслаждаться пением птиц и закатом, который будет прекрасно видно.

Вспоминаю внезапно, что это место не принадлежит мне и хочу встряхнуть голову, но одергиваю себя, понимая, что это будет очень болезненно.

– Через семь дней Сомов идет на приемный вечер, – тихо говорит Славин, стоя за моей спиной. – Приглашение распространяется на членов семьи.

А значит на меня и моего жениха.

Я вновь делаю глубокий вдох, понимая, чего именно он хочет и ловлю себя на ехидной мысли, что он именно об этом и говорил, когда я согласилась. Мутность в голове не дала нормально воспринять информацию? Почему все мимо ушей пропустила?

– Это опасно. Он тоже придёт.

– Не придет, – внезапно чувствую его дыхание на своей макушке.

Не дергаюсь, не шарахаюсь, а просто стою изумленно, ощущая, как взбесилось собственное сердце, застучавшее, словно в барабаны.

– Он будет очень занят твоими поисками, Ворона. Как и Грохов, который через пару дней узнает, что ты пропала.

– Мама... – давлю сквозь стиснутое спазмом горло.

– Не тронет.

Я всем своим телом ощущаю его близость. Магнитное притяжение, которому невозможно сопротивляться. Мне нужно сделать только полшажка назад, чтобы прилипнуть. Примагнититься. Но я сопротивляюсь, вновь и вновь, вспоминая, что он уже не тот Славин, что был раньше. Не тот, кто укроет в свих крепких объятиях и пообещает защитить от любых хулиганов. От всего мира.

Секунды текут нескончаемой рекой, а мы всё стоим. Уже молча. Мне не нужно никаких слов. Ничего не нужно, чтобы чувствовать себя в безопасности даже при условии жуткой угрозы за спиной. Просто эту угрозу я знаю.

– Тебе нужно вернуться в постель, – звучит достаточно хрипло. – Вечером приедет доктор и осмотрит тебя.

– Моя карта осталась в больнице.

– У него будет копия.

Но возвращаться в стерильную комнату я не хотела. Не хотела сидеть в заточении с собственными болезненными мыслями. Не хотела переживать за маму и за самого Арса, боясь, что отчим или Грохов обо всем узнают. Да, мне хотелось верить, что он меня сможет защитить, но иллюзий по этому поводу не питала. Кто они и кто Арс?

– Я боюсь, что это было ошибкой, – шепчу в пустоту, особо не надеясь, что он меня услышит. – Грохов тебя убьет. А потом и меня.

Но Славин слышит. Хватает меня за плечи и разворачивает, чтобы с ненавистью заглянуть в глаза.

– Ворона, ты просто непрошибаемая дура!

А после склоняется и натурально кусает за губу, чтобы через секунду провести по ней горячим языком и затопить меня волной безумия, от которого действительно сносит последнюю крышу реальности.

Я слепну и гложу, словно только что хлебнула чистого сладкого яда. Теряюсь в пространстве, слабну и хватаюсь дрожащими пальцами за единственную опору. Ту самую, которая решила утопить меня в безумии, прорвав платину спокойствия.

Сильные пальцы продолжают впиваться мои плечи, а твердые губы завоевывают мой разум, не то насилуя, не то лаская.

Но как неожиданно это началось – так же и закончилось. Арс отрывается от меня, заставляя тянуться следом за его губами, но надавливает на плечи, вынуждая оставаться на месте. Он глубоко дышит и глаза его закрыты... А я потрясенно обвожу взглядом линию его губ и не понимаю, что произошло.

– Ты говорил, что никогда... – сглатываю, не имея сил и возможности продолжить.

Я чувствую, как колотится сердце в горле. Чувствую, как кипит кровь в венах под кожей. Вижу, как бьется жилка и на его шее. Пульс зашкаливает, но Славин быстро приходит в себя, выпускает мои плечи и открывает свои глаза, в которых уже не остается никаких эмоций.

Он не отвечает. Он вообще никак больше на меня не реагирует. Я выпускаю лацканы его кожаной куртки и отступаю на шаг.

Это просто ошибка. Нелепая какая-то. Предел эмоций

– Иди в свою постель, – говорит без тени той страсти, что секундами назад прошивала нас насквозь, как лучи рентгена. – Ужин я принесу, когда доставят.

Меня подмывало спросить, что это было, но я на сто процентов была уверена, что монстр проигнорирует вопрос, продолжая насмешливо выгибать свои выразительные брови.

– На счет вечера, – с трудом выговариваю я. – Вся моя одежда дома. Мне не в чем...

– Купим.

Он вытаскивает из внутреннего кармана куртки пачку с сигаретами, и я решаю уйти раньше, чем почувствую неприятный запах. Внутри саднит, будто что-то разбилось и лежит осколками на мягком. Я знаю, что это временное явление, что это обязательно пройдет.

А сейчас я буду снова и снова убеждать себя в том, что это было ошибкой, фантазией, да чем угодно. Царапать пальцами внутренние стены и выть на грани собственного рассудка, расщепляя воспоминания на субатомные частицы. Развеивая их прахом по самым темным углам в кладовой своей души. Искать, чем заменить эту сосущую пустоту, которую я сама же в себе рою.

Я провожу в кровати все время, едва ли выходя из комнаты. Только, чтобы дойти до туалета и вернуться. Укрыться одеялом с головой и ещё раз зажмуриться, и стиснуть зубы, когда на губах расцветает воспоминание из горячего букета ощущений. Моментами мне кажется, что он оставил на мне метку, которую мне нечем стереть, но один взгляд в зеркало и я признаю себя полнейшей идиоткой с навязчивыми бредовыми идеями.

Я ждала, что он постучит, когда принесет ужин. Ждала, что просто оставит поднос и провалит обратно. Что эти семь дней я буду видеть его крайне редко, но как оказалось, мои ожидания были напрасными.

Славин не просто принес поднос с ужином из ресторана, он включил телевизор на стене, которым я не воспользовалась. Нашел на одном из каналов новостную передачу и... ничего. Просто смотрел в телек и даже не собирался уходить.

Так он делал однажды. Когда я заболела, и мама заставила меня лежать в кровати. Арс пришел после тренировки, улегся рядом и смотрел со мной фильм, пока я ужинала. Потому что больше всего в жизни после развода родителей я ненавидела есть в одиночестве. Он это знал.

Ничего не сказав, я подвинула миску с лапшой поближе и осторожно принялась есть. И только съев пару ложек, поняла, насколько голодной была всё это время.

– Не торопись, Ворона. Доктор будет только через час, а я не знаю, что делать, когда человек давится едой.

Я бы даже рассмеялась, если бы не трель моего мобильного исходящего от Арса. Он, не глядя на меня, вытаскивает мой смартфон, принимает вызов и растягивая слова проговаривает.

– Сомов, ты тупой или притворяешься?

Судя по тому, какое выражение в этот момент у Славина, по ту сторону сигнала изумленно умолкли. Динамик моего телефона отличается громкостью, поэтому я прекрасно слышу, как после недолгой паузы взрывается матом отчим.

Арс несколько секунд внимательно слушает, отодвигает трубку от уха и интересуется у меня:

– Хочешь пообщаться?

Мне достаточно было только представить, что я говорю пресловутое «алло» отчиму, как спазмом скручивает живот, а синяк на лице начинает саднить. Поспешно качаю головой и стискиваю простынь, которая меня укрывала.

Лицо парня принимает выражение «Ну как хочешь», и он возвращает телефон к уху.

– Если она пожелает, то сама позвонит, что, конечно, маловероятно. А теперь отдыхай, – он сбрасывает вызов, полностью отключает телефон и кладет его на прикроватную тумбочку, после чего возвращается к просмотру новостной передачи.

– А... – я хочу спросить, зачем он это сделал, но вижу усмешку на твердых губах.

Это совсем не смешно. Если Сомов его узнал, сей факт станет существенной проблемой, которую вряд ли получится решить мирным путем. Он и сам должен понимать, что Грохов не станет церемониться с сопляком, возмнившим себя бандитом.

– Ты с ума сошел, – не спрашиваю. Констатирую факт.

Арс жмет плечами и возвращает мне внимание.

– Давно, Ворона. И не советую проверять глубину моего безумия. Но одно могу сказать точно – нам будет весело вместе, – улыбка, растянувшая его губы была дьявольской, но демонстрировал он её недолго. Снова отвернулся. – Ешь давай, скоро явится твой доктор.

И я решаю его послушаться. Из головы никак не выходит, что отчим узнал его по голосу, но я снова и снова убеждаю себя, что с последнего их разговора прошло достаточно времени, чтобы вообще забыть кто такой Арсений Славин.

Как только я разделяюсь с супом, Арс ничего не говоря поднимется с кресла, подхватывает поднос и уходит из комнаты. Я же съезжаю по подушкам, вздыхаю и впервые за весь вечер обращаю пристальное внимание на письменный стол. Там стоит небольшая черная

коробка. Днём, я не решилась её открыть, не зная можно ли, а сейчас прекрасно вижу знакомое название торговой фирмы. Вряд ли она дожидается здесь другую девушку.

Поднимаюсь с постели, чувствуя, как колотится в груди сердечная мышца. Подхожу к столу и открываю коробку, на дне которой лежит белая классическая пижама с черной каймой. И размер мой. И даже подписано для тех, кто в танке. На нагрудном кармане вензелями красовалось моё имя.

Интересно, почему он ничего не сказал, пока здесь был?

Честно говоря, в одежде и впрямь чувствую себя крайне некомфортно. Привыкла ложиться в пижаме или вообще голышом. Но здесь чужой дом и парень, которому я бы не хотела демонстрировать свое тело. Он видел меня без одежды всего раз. С тех пор многое во мне изменилось. От форм, до целостности кожного покрова.

У каждого из нас свои шрамы на теле. У него тату видимое, а у меня нет.

– Оу! – донеслось до меня из дверей. Я мгновенно развернулась другим боком и стремительно стала натягивать пижаму. – Извините, я даже не подумал, что меня не ждут.

– Ждут, Загора. Просто у кого-то с головой проблемы.

Я вздохнула и мельком глянув на мужчину в белом халате, вернулась в постель. Все ещё трясло от того, что Арс мог увидеть шрамы, но он никак не проявил себя. Уверена, он придет в бешенство, если узнает об этом. А может и нет. Может быть, ему давно уже плевать на наше общее прошлое.

– В прямом смысле, – невесело дополняю я диагноз Славина.

Доктор улыбается, достает из сумки планшет и садится на край кровати, изучая материалы моей медицинской карточки.

– Надо же, обследование сделали даже слишком тщательное, – мы с Арсом переглядываемся, не поняв, что не так. – Общий, на гормоны, вич и сифилис, сахар... хгч? – он вдруг поворачивается и смотрит на меня с удивлением. – А ты точно с сотрясением поступила?

Меня действительно тестировали, как космонавта перед полетом на луну. И анализов взяли столько, что кружилась голова.

Я хочу ответить и уже раскрываю рот, но доктор сам же головой тряхнул.

– Ладно. Не важно. Клиническая картина мне ясна.

– Что такое хгч? – без эмоций спрашивает Арс.

– Это анализ крови для проверки беременности. В принципе, при поступлении его могут сделать, чтобы исключить риски. Но в таком перечне он выглядит очень подозрительно.

Мы некоторое время молчим, а после Загора просит меня подняться. Внимательно осмотрев синяк, глаза и сделав несколько диагностических тестов, от которых мне стало дурно, мужчина записывает что-то в планшет.

– В целом, все хорошо, – сообщает почему-то не мне. – Судя по результатам исследований ничего критического не случилось. Небольшое сотрясение. В принципе, ей уже сейчас можно постепенно входить в привычный образ жизни. Это только поспособствует выздоровлению.

Славин стоит, подперев косяк и скрестив руки на груди.

– Уверен?

– Да. Последствий от нападения не будет, это уже точно. Но пока лучше повременить с поездками и, конечно, же исключить риск повторного нападения.

Парни уходят почти сразу, и Арс не возвращается. Я же ничего лучше не могу придумать, кроме как лечь спать. За день так вымоталась, что совершенно нет сил. Да и бодрствовать мне, если честно, вовсе не хочется. Постоянные переживания за маму и страх быть пойманной Сомовым или, ещё хуже, Гроховым, изводят.

Сон никак не идет. Всё время кажется, что за дверью кто-то ходит. Я постоянно просыпаюсь и прислушиваюсь, но в доме царит полнейшая тишина. Только ближе к утру, когда ком-

ната постепенно начинает светлеть, я нахожу в себе силы подняться с кровати и отправиться за водой.

Когда выхожу в коридор, мгновенно обращаю внимание на то, что дверь в соседнюю комнату приоткрыта. Я не знаю наверняка дома ли вообще Славин, но мне интересно. Осторожно приоткрываю дверь и вижу его темную спину.

Замираю в дверном проеме и, кажется, даже забываю, как дышать. Арс лежал на животе лишь до пояса прикрытый белой простыней. Я могу видеть, что он от самого затылка и до поясницы был забит темными рисунками. Едва не делаю несколько шагов, чтобы получше рассмотреть, но вовремя себя одергиваю.

Я не за этим шла.

– Проваливай, Ворона, – зло хрипит монстр, отчего я вздрагиваю и стремительно отступаю обратно в коридор. – Ещё раз зайдешь и...

Что «и» я не хочу знать, поэтому стремительно спускаюсь вниз, глотая неизвестно откуда взявшийся в горле саднящий комок. Стараюсь не обращать внимания на то, что сердце колотится едва ли не в горле. Набираю стакан воды в кухне и пытаюсь успокоиться, несмотря на то что в сознании вновь и вновь возникает воспоминание о твердых губах, которые только сегодня свели меня с ума.

– Должно быть, я действительно тронулась умом, – усмехаюсь тихо, зная, что меня никто не услышит.

И в это даже поверить несложно. Только я одна знаю, что мне довелось испытать с того дня, когда я подтвердила Сомову, что согласна на его условия. Условия, последствия которых я до сих пор имею возможность наблюдать.

Недолго думаю стоит ли возвращаться в свою постель. Понимаю, что совершенно не испытываю такого желания, и принимаю решение сварить себе кофе. Обычно, я предпочитаю чай, но и в желаниях отказывать себе не люблю. Жанна бы прокляла меня за такой завтрак, но мне так хочется взбодриться, что я готова даже на лекцию от её лица о здоровом питании.

Джезвы в доме не оказалось, потому пришлось разбираться с навороченной кофемашиной, от вида которой у меня в голове закоротило. Кажется, проще запустить двигатель самолета, чем включить эту адскую кофеварку. У меня даже возникла мысль разбудить Арса, но я быстро прогнала её, стараясь вести себя как можно тише.

В итоге, спустя полчаса моих страданий, три капсулы с кофе и два этажа отборного мата, я таки умудрилась раздобыть себе капучино.

Вдохнув приятный аромат, стаскиваю с дивана в гостиной плед и плетусь на свежий воздух. На улице к этому времени уже рассвело и над горизонтом высится розовый диск утреннего солнца, который красит листья деревьев красивыми розовыми бликами.

Устроившись на одной из соф, стоящих на веранде, я подбираю ноги и кутаюсь в плед. В моей голове было много мыслей, но я умею ловить такие моменты, когда работают только глаза. В простонародье это называется «Залипнуть», я называю это «освободить голову».

Своего рода медитация позволяет избавиться от всего лишнего и вычленить все то, что действительно вызывает беспокойство. Именно к этим тревогам я и прихожу минут через десять, когда утренние лучи солнца начинают терять розовые краски.

Я не могу пустить все на самотек. Просто не могу довериться Славину несмотря на то, что мне действительно этого хочется. Но он не тот. Я должна все время напоминать себе о том, что парень, спрятавший меня от всего мира за этим высоким забором, вынашивает другие планы. Что мешает ему изменить условия или вовсе их не выполнить?

– Скам, – прокатываю на языке слово, которым нарек парня Смолин.

Я не знаю, насколько он оправдывает свою кличку. Не знаю, насколько опасен для других и опасен ли для меня, но понимаю, что просто так не могу позволить ему управлять своей жизнью.

Если он сможет спасти меня от Сомова, то от Грохова вряд ли. Что мне тогда делать, когда он получит свое? Я должна найти другой способ избавиться от них. А также должна сама себе признаться, что снова опасаюсь за его жизнь...

За этими мыслями я, пригретая пледом и ласковыми лучами солнца, засыпаю. Мне ничего не снится, и я наслаждаюсь этим коротким забытием, покрывшим все тревожные мысли мягкой темнотой.

Просыпаюсь от того, что теплый ветер сдул прядь волос, защекотавших щеку. Посторонний взгляд ощутила на себе мгновенно. Повернула голову и коротко вздохнула, когда увидела Арса в непривычно строгом костюме. Он стоял рядом, держа чашку с кофе и сунув свободную руку в карман брюк. Он без эмоций смотрел на меня и, казалось, что хотел сказать что-то... но молчал.

– Ты уходишь? – спрашиваю, удивляясь своему охрипшему голосу. – Надолго?

Не знаю, почему с моих губ срывается именно этот вопрос. Наверное, боюсь оставаться одна надолго. А вдруг меня найдет Грохов?

– Почему ты спишь здесь? Ты должна быть в своей постели.

Меня удивляет его тон. Вроде полон равнодушия, но чувствуется какой-то негатив, который ранит меня. Я открываю рот, чтобы ответить, но понимаю, что человеку, не желающему продолжать беседу со мной на самом деле не интересен ответ. Поэтому закрываю рот и отворачиваюсь, чтобы через секунду почувствовать непреодолимое желание зевнуть и потянуться, что и делаю под пристальным взглядом Славина.

Он шумно выдыхает, резким движением выливает остатки кофе на землю, оставляя на ней темное пятно, а затем просто разворачивается и уходит в дом. После чего возвращается, но уже с кожаной папкой в руках.

– Меня не будет часа три, – бросает холодно.

Я не отвечаю. Да он этого и не ждет, потому как сразу направляется к машине, на которой вскоре уезжает с территории дома. А я остаюсь, чувствуя сосущую пустоту внутри и гадая – голод это физический или душевный?

В итоге прихожу к выводу, что хочу есть и отправляюсь штурмовать кухонные шкафы и холодильник, в котором не оказывается ничего хоть мало-мальски напоминающее что-то съедобное.

Вчерашний ужин, очевидно, был заказан в ресторане, а вот о завтраке монстр не позаботился. И мне ничего лучше не приходит в голову, чем открыть на смартфоне карту и найти ближайший магазин, в который я собираюсь сходить.

Переодеваюсь в повседневное, проверяю баланс карты на телефоне, перечитываю сообщения от мамы, которая пишет, чтобы я не попадалась отчиму на глаза. Она говорит, что я сглупила, но желает удачи и сообщает, что постарается последовать моему примеру.

Её слова никак не выходят из моей головы. Я даже не догадываюсь, кто может помочь ей в этом вопросе, ведь сама она вряд ли справится. Как сбежит? Где будет скрываться? И хуже всего то, что она понимает, какие последствия её ждут, если ей не удастся сбежать.

Но стоит мне выйти за ворота, как я слышу хлопок двери авто. Оттуда выходит высокий парень в джинсах и черной футболке и направляется ко мне. Я ощущаю, как к горлу подкатывает паника, делаю шаг назад, но он, заметив моё желание сбежать, поднимает руки, демонстрируя нежелание применять против меня силу. И меня это несколько успокаивает.

– Вам запрещено покидать территорию дома.

До пустой головы не сразу доходит смысл сказанного. Но когда доходит, я вся от и до наполняюсь возмущением, потому что понимаю, что этот парень и ещё трое, сидящих в машине – моя охрана.

Какого черта?

– Почему? – спрашиваю его. – Мне нужно в магазин.

– Вам запрещено покидать территорию дома, – попугайничает он.

Меня дико раздражает эта ситуация и я понимаю, что закачу скандал Арсу, как только он попадется мне на глаза. Ненавижу рассказывать о своих нуждах. Особенно, когда речь заходит о каких-то естественных потребностях.

– Я должна что-то есть, – проговариваю ровным голосом. – В доме ничего нет, поэтому мне нужно в магазин.

Парень думает недолго. Достает из кармана кнопочный телефон и набирает номер, перед которым тут же отчитывается о моей попытке покинуть охраняемую зону.

Я плохо понимаю, что происходит. Меня удивляет наличие у Арса такого дома, но сейчас меня больше удивляет наличие у этого самого дома охраны.

– Садитесь в машину, – вдруг говорит он.

Естественно, я качаю головой. Неважно, что он там говорит, я не могу ему верить. А вдруг это вообще люди Сомова или Грохова, маскирующиеся под охрану?

Парень, кажется, понимает мои опасения. Хочет улыбнуться, но явно сдерживается. После чего повторно набирает номер, говорит, что я не хочу с ними ехать и передает мне трубку, которую я беру с нескрываемым сомнением.

– Алло.

– Ворона, будь умницей и садись в машину, – устало выдыхает абонент. – Сегодня позавтракаешь вне дома.

– Я просто хотела сходить в магазин.

– Просто не спорь, а? Садись.

Он тут же сбрасывает вызов и мне приходится вернуть телефон и пойти следом за охранником. Я не думаю о том, что голос Арса, слишком уставший для того, кто проснулся всего пару часов назад. Покорно подхожу к автомобилю и замираю.

В черной иномарке сидят ещё трое. Мне открывают заднюю дверцу и усаживают посередине. Несмотря на то, что салон довольно просторный, чувствую я себя килькой в банке. Мои охранники молчат и изображают каменные изваяния в то время, как я пытаюсь понять, куда мы едем.

Дорога занимает около тридцати минут. Я понимаю, что мы въехали в совершенно незнакомую мне часть города и пытаюсь задавать вопросы, на которые никто из присутствующих не реагирует.

Когда машина останавливается и меня выпускают наружу, я понимаю, что перенервничала. Меня слегка подташнивает, а желудок и вовсе болезненно сжимается. Охранник идёт к высокому крыльцу, над которым висит деревянная табличка с наименованием ресторана и мне приходится следовать за ним.

Внутри довольно светло. Из колонок льётся приятная музыка, а воздух радует ароматом свежесрезанных цветов. В холле нас встретила девушка в форме. Вежливо улыбнувшись, смотрит на меня равнодушно, но я знала, что она задаётся вопросом, почему я здесь в таком виде. Проводит через весь зал и приглашает войти в отдельное помещение с накрытым столом, за которым с бокалом белого вина сидит Славин.

Я бы сказала, что меня это все пугает, но это не так. Далеко не так. Меня начинает раздражать его поведение. Он демонстрирует мне свою состоятельность? Поэтому, как только дверь за моей спиной закрывается, я делаю несколько шагов, огибая квадратной формы стол, упираю руки в столешницу и смотрю монстру в глаза.

– Ты издеваешься?

Усмешка растянула его губы, делая выражение несколько устрашающим. Взгляд то и дело цепляется за тату на шее, уходящую за воротник белоснежной рубашки, но я стараюсь возвращать внимание лицу Арса, молчаливо ожидающему продолжения скандала.

И я его не продолжаю. Смотрю и медленно дохожу умом, что он просто пытается исправить ситуацию с завтраком, с коим на самом деле облажался. Всё остальное – лишь способ защитить меня.

– Бу! – неожиданно выдает Славин, отчего я вздрагиваю всем телом и буквально отскакиваю от стола.

Что за?..

Его насмешливое выражение сообщает, что он забавляется со мной, как со зверушкой, но глаза темнеют, и, если бы я не видела перед ним пустые тарелки, сказала бы, что он невообразимо голоден.

– Я тоже рад тебя видеть, Ворона. Сядь и поешь, я заказал на свой вкус.

Сместив фокус внимания на сервированный стол, обнаруживаю на свободном месте тарелку овсянки с клубникой и стакан сока. Но мне после такой поездки уже и есть, кажется, не хочется. Сердце стучит, желудок сжимается, мозги плывут...

– Давай мы не будем усложнять наши недоотношения, перейдя к откровенному насильственному кормлению, – вдруг остро режет по мне взглядом парень. – Я понимаю, что тебе сложно. Но мне тоже непросто видеть тебя рядом с собой.

Я сглатываю, вспоминая причины этих недоотношений. Не нынешние причины, нет. А застарелые и окостеневшие в нашем общем прошлом. Не хочу думать об этом, жмурюсь на миг и делаю глубокий вдох, пытаюсь унять свои тревоги.

– Не надо мне угрожать, Славин. Хуже делаешь.

– И чем же? – хмыкает он, отпивая из пузатого бокала. – Думаешь, что после своего согласия способна отказаться от своих слов?

Я прохожу к свободному месту и сажусь на стул, медленно осмысливая сказанное. Я же правильно понимаю, что он только что ненавязчиво сообщил мне, что я не могу выйти из этой сделки?

– Не способна? – спрашиваю спокойно.

Он не отвечает, но смотрит так колко и пристально, что я понимаю его без всяких слов.

– Если ты не будешь мне объяснять, у нас не выйдет ничего.

– Твоё дело просто играть свою роль. Остальное я уже взял на себя, – он допивает остатки вина и со стуком ставит бокал на стол. Вытирает губы салфеткой и швыряет её туда же, чтобы встать и застегнуть нижнюю пуговицу пиджака глядя на меня. – Завтракай. Дан отвезет тебя обратно. Я вернусь через пару часов.

Он выходит, оставив меня со своими странными бурлящими и саднящими чувствами, которые, кажется, в скором времени не получится скрывать от него.

Просидев со своими мыслями ещё минут десять, я всё-таки решаю поесть. Каша довольно вкусная и мне даже сок кажется уместным. Хотя я и не особо люблю все эти правильные завтраки. Для меня нормально поесть в универе перехватив в столовой кусок пиццы с колбой. Хватает почти до самого ужина, и я никогда не жалею о здоровье. Жанна вечно ругает меня, но она понимает, что воевать бессмысленно. Мне все эти диеты и правильное питание всё равно что мертвому припарка. Я уже года три, как потеряла смысл жизни.

Закончив с завтраком, я встаю из-за стола и выхожу в холл, где меня ждет Дан, как сказал Арс. Он молча направляется к выходу, но почему-то не по центру зала, как мы шли, а по проходу у стены. Мне кажется это странным, но не настолько, чтобы предавать серьезное значение, а потом... Потом я встречаюсь взглядом с другом Сомова и замираю, как вкопанная.

В моих мыслях наступает настоящий апокалипсис, потому что я знаю, что Багров немедленно позвонит отчиму и сообщит о моем местонахождении.

– Идем, – дергает меня Дан и это отрезвляет.

Я немедленно прихожу в себя, но ещё до того, как успеваю сделать хоть шаг, Багров вскакивает со своего места и преграждает нам дорогу, пытаюсь ухватить меня за руку. И Дан

с ним не церемонится, отталкивает на два шага и встает так, чтобы тот понимал, что меня достать он сможет только поборов его.

– Оля, ты немедленно должна вернуться домой!

Я не отвечаю ничего. Меня натурально трясет и тот факт, что Багров лезет во внутренний карман и достает телефон лишь усугубляет ситуацию. Я понимаю, что это все. Он не выпустит нас отсюда и тогда Сомов всё узнает. А также где я, и с кем.

Я не успеваю домыслить ситуацию, в которой всё ужасающе заканчивается, как Дан просто протягивает руку и отбирает телефон у мужчины. Мы оба удивленно смотрим на него, а он просто разламывает дорогой смартфон пополам, после чего глядя в глаза Багрову четко проговаривает:

– Дернешься и я тебе точно так же шею сверну.

Парень обхватывает пальцами мое запястье и тянет наружу, а я стараюсь не замечать тяжелый взгляд мужчины, который явно в красках обо всем расскажет Сомову. Мне страшно представить, что меня ожидает в случае, если он найдет нас.

Как только я оказываюсь на улице меня запикивают в машину между двумя парнями. Сам же Дан садится на переднее пассажирское, берет телефон и коротко докладывает, вероятно, Славину о том, что я еду домой. Про Багрова он и слова не говорит, чем очень удивляет. Вероятно, мне самой стоит об этом с ним поговорить. На всякий случай.

Когда меня привозят домой, я немедленно возвращаюсь в выделенную мне комнату и забираюсь на кровать. Страх сковывает всё нутро, и я с параноидальным рвением прислушиваюсь к тишине в доме. Любой шорох кажется облавой, но к моему спокойствию, никто не пытается ворваться. Эти два часа, пожалуй, были самыми долгими в моей жизни. Поэтому, когда в комнату входит монстр я даже выдыхаю с облегчением:

– Наконец-то!

Глава 4

Несколько дней пролетели незаметно. Если первые я была растеряна и напугана, то последующие проходили в относительном спокойствии. Синяк под глазом почти сошел на нет, оставив лишь небольшое желтоватое пятно. Как оказалось, на мне довольно быстро все заживает, а вкуче с мазью от синяков и ушибов, привезенную мне Арсом, всё сходит за считанные часы.

Сам же монстр в доме появлялся только к вечеру. Он неизменно присутствует на моем ужине и смотрит новости, пока я поглощаю ресторанные шедевры. Не скажу, что ощущаю себя в такие моменты дискомфортно, но однозначно ещё не привыкла.

В остальном же, мы пересекаемся редко. Даже в пределах дома. Но я чувствую себя в безопасности, зная, что нас разделяет лишь две двери и коридор.

Жанна звонит мне каждый день. Она ничего не знает про сотрясение, и я не спешу делиться с ней новостями о моём «переезде». На предложение о встрече я так же отвечаю отказом, поскольку сильно занята «помощью маме». Врать подруге я не люблю, но вынуждена. Арс говорит, что за ней могут проследить люди Сомова или, ещё хуже, Грохова, тогда все эти прятки коту под хвост.

Мне даже маме звонить не рекомендовано. Монстр говорит, чтобы я утешалась сообщениями от неё, и я даже понимаю причину его черствости по отношению к ней. Она его не любит. Вернее даже, возненавидела с того момента, как мы перестали поддерживать с ним связь. У неё для этого свои причины. Думаю, на её месте я испытывала бы те же чувства.

Сегодня мне скучно. Кажется, за эти пару дней я отлежала себе все бока и пересмотрела все последние новинки в кино. Во дворе сидеть мне тоже надоело, но я всё равно выбираюсь из постели и спускаюсь вниз. Щелкая кнопкой выключателя на чайнике и, достаю прозрачную кружку, чтобы бросить в неё один из пакетиков понравившегося напитка.

Аромат малины мгновенно наполняет легкие, когда в чашку попадает кипяток. Я, не раздумывая беру чай и плетусь на крыльцо, где замираю на входе глядя на расслабленного монстра, неспешно тянущего дым из сигареты. Он был только после душа. Мокрые волосы и белый махровый халат, открывший мне мощные ноги без единого сантиметра свободной от татуировок кожи, были тому прямым доказательством.

– Доброе утро, – Арс выдыхает клубы белого дыма и переводит на меня взгляд.

Я замороженно наблюдаю, как извивается облачко и исчезает под крышей веранды.

– А почему ты дома? – спрашиваю без задней мысли. Взгляд привлекает хмурая туча, ползущая в нашу сторону, и я понимаю, что этот день солнечным точно не будет. Ни в прямом, ни в переносном смысле.

– У меня выходной, – подтверждает мои подозрения парень и снова затягивается.

Мне этот запах уже не кажется таким противным, но я всё равно стараюсь держаться от него подальше.

– Сегодня мы поедem по магазинам. Нужно подтвердить легенду.

Поняла, что речь идет о подготовке к свадьбе.

Пожимаю плечами, демонстрируя свое отношение.

– Если нужно, то я не против. Только давай недолго, хорошо?

Монстр поднимает голову и обжигает острым вниманием, от которого тут же хочется скрыться в глубине дома. Вот только это его дом. Мне и внутри негде прятаться.

– Зависит от того, что ты выберешь, Ворона.

Я невесело усмехаюсь. Его взгляд, очевидно, намекает, что простым «Всё, вон то белое. Мерить не буду, пошли» я не отделаюсь.

– Три примерки, – сдаюсь я. – Не больше.

Я прекрасно помню, как проводят время девушки в салонах свадебных платьев. Мне не доводилось их примерять, но я на себе узнала, что на это уходит много сил и времени. Ведь каждая старается найти то самое, единственное. Мне же это ни к чему.

Арс улыбается, глядя на меня так, словно я способна передумать и тушит окурок в пепельнице.

– Я не буду повторяться.

Чай допить не успеваю, потому что парень постоянно меня поторапливает и насмешливо улыбается, выгибая свои выразительные брови. Это мне нравилось в нем раньше. Давно. Сейчас бесит жутко, но я прикладываю немало усилий, чтобы держать себя в руках и не фыркать всякий раз, когда он выжидательно следит за моими действиями.

И да. Я намеренно медлю, не желая связываться со свадебными салонами. Раньше казалось, что я буду счастлива, примеряя первое платье. Буду целиком отдаваться процессу. А сейчас это обременительно.

Когда я оказываюсь в его машине он требует пристегнуться, хотя сам остается свободным. Делаю вид, что меня это нисколько не парит. Парит. Ещё как парит.

– Сначала позавтракаем, затем несколько свадебных салонов и ювелирный.

– Да у нас яркая культурная программа сегодня, – хмыкаю, глядя на тротуары, по которым спешат по своим делам прохожие.

Арс не сразу отвечает, выворачивая руль. После завершения маневра бросает мимоletный взгляд, который я не вижу, но прекрасно чувствую.

– Можно и так сказать.

Снова неопределенно. Меня начинает напрягать такое отношение. Хочется знать немного больше, но он не позволяет себе быть со мной достаточно откровенным. Почему? Наверное, потому что однажды я это доверие не оправдала, а теперь не заслуживаю быть кем-то более значимым, чем стороной договорных отношений.

Машина останавливается у какого-то ресторана с высокими стрельчатыми окнами. Внешняя отделка оформлена под готическое английское здание, но меня это мало интересует. Внимание привлекает другая машина, остановившаяся прямо за нашей. За рулем я вижу парня и узнаю в нем Дана. Позади него сидят ещё двое, но их лиц разглядеть не представляется возможным.

– Зачем нам охрана? Ты же со мной, – удивленно спрашиваю, поднимаясь по ступеням.

Арс отвечает лишь насмешкой. Чувствую себя глупой курицей и отвожу взгляд в сторону, увлекаясь кованым узором на перилах.

Внутри нас встречает молодой парень в униформе, он же провожает до столика у окна. Я оглядываюсь и понимаю, что мне нравится здешняя атмосфера. Очевидный контраст между стилизованным английским интерьером и современностью, бурлящей за окном, создавали забавный диссонанс, от которого немного кружилась голова.

Славин не дает мне меню, когда я занимаю свое место. Почему-то он решает сделать заказ за меня, и когда звучит уже ставшее ненавистным «Овсянка», я хмурю брови.

– Ты ела много всякой гадости по утрам. Завтрак должен быть максимально полезным.

Мне даже не интересно откуда он взял эту информацию, нет.

– Почему ты решаешь за меня, что мне нужно?

– Потому что хочу? – вопросом на вопрос.

Выдыхаю весь негатив из легких, стаскиваю со стола салфетку и принимаюсь её мять, используя как антистресс-игрушку.

Спорить с ним все равно бесполезно, а нервы мне ещё нужны. Сейчас я очень жалею, что не могу ему как следует треснуть. Хотя, судя по тому, что он творит, имею на это полное право.

Овсянку приносят довольно быстро. Помимо неё ещё на стол встаёт фруктовый десерт и чашка зеленого чая, который мне и впрямь нравится. И даже овсянка, на удивление, кажется очень вкусной.

– Меня интересует один вопрос, – проговаривает парень, промакивая губы салфеткой.

Я наблюдаю за ним, скрывая улыбку. Мне кажется забавным, что такой внешне безобразный и аморальный парень ведет себя, как законодатель средневекового этикета. Со стороны выглядит очень комично.

– Какой? – спрашиваю, отпивая из чашки ароматный напиток.

– Грохов называл причину, почему именно ты?

Давлюсь жидкостью. Закашливаюсь и сгибаюсь пополам, стараясь унять неприятное першение в горле.

– Почему ты спрашиваешь? – хриплю я. – Какая разница?

Славин откидывается на спинку стула и смотрит на меня испытующе, явно ожидая, что я отвечу сама и не нужно будет из меня ничего клещами тащить. Но я готова его удивлять. Потому что сама не очень понимала его мотивы.

– Я все понять не могу, Ворона. Ты сама его выбрала. А когда настал ответственный момент, дала отпор. Почему?

Кашель уже прошел. Сажусь с прямой спиной, не зная, могу ли ответить искренне. Вот только это уже ничего не изменит. Ни его, ни меня. Только вызовет ненужные сожаления, от которых снова нужно будет мучительно долго избавляться.

– Он богат, – отвечаю без тени эмоций. – У него связи.

Арс улыбается, но я вижу, как чертовски сильно меняется его взгляд, превращаясь в скальпель. Уверена, он желал бы меня им препарировать.

– Что изменилось? – этот вопрос тоже с насмешкой, но она стала другой. Злее, что ли.

Я не нахожу, что ответить. Теряюсь в своих ощущениях, которые мурашками проносятся по спине.

– Что. Изменилось? – звучит более требовательно.

Лгать, что многое, я не хочу. Говорить правду не хочу.

– Я, – звучу очень уверенно, чему внутренне радуюсь. – Его деньги и связи перестали иметь значение, когда Сомов немного поднялся. Зачем выходить замуж за старика, неспособного даже детей зачать?

Славин не отвечает, но красноречиво выгибает бровь, заставляя обратить внимание на татуировку. Опускаю глаза и продолжаю теревить салфетку, надеясь, что подобных вопросов больше никогда не возникнет. Меня внутренне потряхивает, потому что я только что снова оскорбила нас обоих своими словами. Возможно, сейчас ему все равно, но тогда это действительно было ударом.

– Говоришь, как шлюха, но ведешь себя совершенно иначе.

В груди мгновенно вспыхивает протест. Я хватаю ртом воздух, но понимаю, что спорить с ним бесполезно. Зачем? Оправдываться перед тем, ради кого вообще все это было задумано? Гиблое дело, надо сказать.

Оскорбленно фыркаю и бросаю салфетку на стол. На самом деле, не важно, что он говорит. Важно, что он взялся мне помочь в угоду собственным интересам. Как только всем станет известно о моей с ним помолвке, Грохов бросит свои извращенные идеи и раскатает Сомова. Тогда мы с мамой просто переедем и будем спокойно жить вдвоем. Конечно, если Сомов не станет нас искать ради мести. А случись подобное, нам придется бежать.

Я поднимаюсь из-за стола и направляюсь к выходу, зная наверняка, что Арс последует моему примеру и не станет затягивать весь этот спектакль. Хотя я не имею представления ради каких зрителей он затевался, но, полагаю, слухи должны расползтись стремительно. Мой брак с такой эпатажной личностью, как Славин? Общество отчима не оценит, но вынуждено будет

принять. Вряд ли старый козел станет заявлять на меня права. Это слишком громкий скандал для всей его семьи.

Ближайший салон оказался всего в пяти минутах езды. Пока мы едем, я питаю надежду, что Славин не станет составлять мне компанию, но сейчас понимаю, что в его планы как раз входили эти примерки.

– Добрый день! – встречают нас очаровательной улыбкой на входе. – Могу ли я стать вашим консультантом?

Киваю, отмечая полнейшее равнодушие моего жениха. Он проходит к ближайшему кожаному дивану, принимает расслабленную позу и подпирает двумя пальцами подбородок, лениво оглядывая ряды со всеми оттенками белого нарядов.

– Какого фасона и цвета платье вы ищете?

– Я пока не знаю, – отвечаю неуверенно.

– К нам на днях поступила новая коллекция. Желаете посмотреть?

На миг прикрываю глаза и обреченно вздыхаю, понимая, что тремя примерками дело может не ограничиться.

Консультант показывает мне несколько фасонов, рассказывает о тканях, демонстрирует интимные детали и фишечки, пока я отстранённо размышляю о том, какое бы выбрала платье, если бы свадьба действительно состоялась? Пробегаюсь взглядом по рядам, манекенам, витрине и задерживаю дыхание, когда вижу его. То самое, которое никак и ни с чем не спутать. Изящный лиф с узором выющихся виноградных лоз, дорого выглядящие стразы, сверкающие в свете софитов, как драгоценности. Белая юбка струится по ногам манекена и ниспадает на пол, а по ней вверх тянутся вышитые серебряными нитями узоры.

Я боюсь даже шагнуть в ту сторону. Боюсь, что не захочу снимать с себя эту прелесть. Боюсь, что растворюсь в фантазии, пока буду рассматривать себя в зеркале. Боюсь внутренней болью подломить основу, на которой держусь. Боюсь рассыпаться на осколки.

– Оно вам очень подойдет, – с улыбкой говорит консультант, заметив мой взгляд. – Уверена, это ваше платье. Давайте примерим?

Я не отвечаю. Перевожу взгляд на Славина, просматривавшего что-то в телефоне, и снова теряюсь. Мне кажется, что он напряжен, хоть его лицо и расслабленно. Это странное ощущение не покидает меня, пока я мнусь между рядами и никак не могу решиться. А потом вспоминаю, что все это не важно.

Он уже не тот, Оля. Это совсем другой Ярослав Славин – напоминаю себе, отчетливо вспомнив его дикий взгляд на кемпинге, когда он спас меня от изнасилования. – *Так что неважно какое платье ты выберешь. Отсюда ты уедешь без покупок.*

Девушка, ничего не сказав покидает меня, но возвращается через пару минут с тем самым платьем, ободряюще улыбается, чем располагает к себе.

– Пройдемте в примерочную.

Я смотрю на неё удивленно, потому что знаю – это очень дорогой свадебный салон и каждое изделие должно быть индивидуальным.

Консультант не прячет лукавой улыбки и заговорщицки шепчет:

– Там выставочная модель. Она не пригодна для носки.

Киваю и следую за ней. Затылком чувствую тяжелый взгляд монстра. Не оборачиваюсь, конечно. Со мной творится что-то странное, и это пугает даже больше, чем та крышесносная буря эмоций от его настойчивого поцелуя, ощущения которого назойливо вертелись в памяти.

Платье вызывает странный трепет. Нежная ткань гладит кожу и обнимает грудь. Плотно перехватывает мою талию и струится вниз лёгкой юбкой. Но я знаю, что оно останется в магазине и уже сожалею об этом.

– Ворона, покажи-и-ись, – насмешливо звучит голос Славина из-за занавески.

Я вздрагиваю и теряю способность дышать в тот миг, когда Арс не дожидаясь ответа одергивает плотную ткань. Скользит по мне стремительно темнеющим взглядом, не оставляя без тяжёлого внимания ничего, и встречается с моей растерянностью.

Мы оба обескуражены, а потому мгновение молчим, пытаюсь совладать с эмоциями. Неожиданно чувствую странную ноющую пустоту в груди. До тоски. Противлюсь желанию протянуть руку, когда брови парня чуть хмурятся, выдавая в нем неприятие.

Он вдруг сжимает зубы, от чего дергаются желваки на щеках и скрещивает руки на груди, опираясь плечом о стенку примерочной.

– Мне не нравится, – чеканит он.

Веселья ни во взгляде, ни в голосе больше нет. Я поворачиваюсь к зеркалу, смотрю на стройную фигурку девушки в отражении и встречаюсь с ней глазами. В зеленых омутах виднеется насмешливая грусть и она кривит губы в такой же невеселой улыбке.

– Я и не собираюсь его брать. Не за Грохова же мне в нем замуж выходить.

– А это правильная мысль, Ворона.

Его едва скрытая ухмылка неожиданно пугает уверенностью и скрытым смыслом. Меня это настораживает, а потому я отвожу взгляд от отражения и разворачиваюсь к парню, желая взглянуть ему прямо в глаза.

– Что ты хочешь этим сказать? – спрашиваю прямо, удивляясь тому, как надсадно звучит мой голос.

Славин продолжает странно улыбаться, но не отвечает. Лишь повторно окидывает меня взглядом, после чего делает шаг назад и задвигает занавеску.

– Давай следующее. Я жду.

Я не понимаю, что происходит. Он ведет себя иногда так, словно знает то, что мне неизвестно. Будто уверен в моем будущем, в то время как я живу словно слепой котенок в картонной коробке, чем мир ограничен лишь теплой подстилкой и властными руками хозяина.

Встряхиваю головой, растрясывая мысли и принимаюсь расстёгивать платье, чтобы прекратить этот дурацкий поток мыслей и не накручивать их в сторону теории заговора. Зачем это Арсу?

Консультант видела меня в платье, когда монстр входил в примерочную, потому я не удивляюсь, видя её у входа ещё с двумя изделиями в руках подобного фасона.

– Думаю, эти тоже вам подойдут, – улыбается девушка.

Какая разница, верно? Я с благодарностью принимаю главный атрибут невесты и возвращаюсь в кабинку. Хрустящая ткань помогает сосредоточиться и отпугнуть бушующие мысли. Одев платье, я вижу красивую девушку в белом, но она не вызывает во мне восторга, как несколькими минутами ранее. И я неожиданно понимаю, что хорошие и сильные эмоции для меня словно наркотик. Потому что я снова хочу одеть предыдущую модель и испытать эти удивление и восторг повторно, хоть и понимаю, что это невозможно.

На этот раз не жду, когда сюда ворвется Славин и сама выхожу, чтобы показаться ему на глаза. Парень встречает меня с ухмылкой и кивает, отправляя обратно в примерочную. И следующее платье я надеваю с неохотой, чтобы так же с полным отсутствием желания выйти к своему «жениху».

– Красиво, – хмыкает он.

Я киваю и возвращаюсь, понимая, что в его взгляде не было и намека на восторг. Просто «красиво».

Снова встряхиваю головой и переодеваюсь уже в свою одежду, желая выбраться из салона, как можно скорее. Эти примерки просто пытка какая-то. Не физическая, нет. Моральная. Издевательство. Не каждая сможет посещать свадебный салон с целью заверить всех вокруг в помолвке, которая по факту была фиктивной, с парнем, за которого с детства мечтала выйти замуж. Не каждая вообще согласилась бы на нечто подобное.

Я чувствую себя идиоткой.

Салон свадебных платьев мы покидаем под молчаливое удивление девушки, не ожидавшей, что отсюда уйдут без покупок. Славин галантно открыл мне дверь авто и с нежной улыбкой усаживая на переднее пассажирское сидение проговорил:

– Улыбнись, Ворона. Тебя снимает скрытая камера.

Я вообще не понимаю в чем дело, потому нервно осматриваюсь по сторонам, пока Арс обходит авто. С этого момента у меня начинается паранойя, потому что следить за нами могли разве что Сомов и Грохов, а это не есть хорошо. Это очень даже плохо!

Монстр садится в машину и продолжает улыбаться, словно это просто была хорошая шутка. Но я знаю, что он не станет шутить на такие темы.

– Улыбайся, – повторяет ласково. Слишком ласково.

Я мгновенно натягиваю легкую улыбку и складываю руки на коленях. Сама чувствую, что выгляжу жалко, но поделать ничего с этим не могу.

Если Сомов действительно устроил слежку, значит он в скором времени выяснит, где я нахожусь. И тогда сделка со Славиним сорвется. Вряд ли он позволит и дальше мне портить его планы.

А если это Грохов?

Я сглотнула и сжала кулаки, понимая, что в таком случае можно и не выжить. Арса он размажет по стене, оставив на память о его существовании лишь пятно.

– Ворона, что за паника?

Снова сглатываю колющий комок в горле не зная, что ответить. Эта паника всегда наступает, когда речь идет о его жизни. Наверное, уже рефлекс.

Да нет, Оля. Проблема в том, что каким бы уродом не стал Славин, он все ещё не чужой тебе. Видимо, остался в подсознании его отпечаток.

– А почему ты спокоен? – отвечаю вопросом на вопрос, когда пауза затягивается и монстр сбрасывает улыбку, поглядывая на меня задумчиво.

– Я не нервничаю по пустякам. Ну устроили слежку, что с того? Ребята сейчас их сбросят.

Я оглядываюсь и не вижу следующей за нами машины охраны. Становится жутко и даже нервно. Толком не зная их, я уже начинаю переживать. В конце концов, эти люди постоянно присматривают за мной и обеспечивают безопасность. Я за одно это им благодарна.

До ювелирного магазина мы добираемся долго. Сперва я думаю, что он находится где-то на окраине города, но потом понимаю, что мы делаем довольно большой крюк. Вопросов не задаю, поскольку причины для меня очевидны.

Когда Славин паркует машину у ювелирного салона, я понимаю, что большую часть времени находилась в прострации. Обстановка для меня очень неоднозначная, и я с трудом понимаю, во что подобная каверза может вылиться в итоге. Сделка с монстром освободит меня от Грохова, но Сомов может и не опустить рук. Не будет же Арс в самом деле охранять меня до конца жизни?

Последнюю мысль я фиксирую, чтобы позже обдумать её, как следует и найти существенные доводы продолжать этот фарс.

У лестницы Славин подает мне руку, изображая влюбленного парня. Не шучу, он смотрел на меня так, словно знал под каким соусом вечером будет употреблять мою тушку.

Я старалась на него не смотреть, чем ещё больше забавляла парня. Он этого никак не выражал, просто... Мне так казалось. Может воображение тому послужило, а может я действительно его чувствовала.

– Какое кольцо ты хочешь, Любимая?

В груди что-то бухает и пронзительно срывается вниз. Я и вдоха сделать не могу, за секунду до того, как понимаю, что он сказал. А ещё через мгновение снова вспоминаю о сделке. Но мысли уже не остановить. Это слово меня перезагружает, будто систему. Заставляет про-

писать в памяти исходный алгоритм. Заставляет вспомнить, что было в самом начале, до того, как я стала выглядеть в его глазах, как чужачка.

Оборачиваюсь и смотрю в лицо, не скрывающее насмешки. Думаю, моя реакция доставила ему веселья. Вот только в эту игру можно и вдвоем сыграть. Тяну губы в счастливой улыбке, заставляя и глаза улыбаться и говорю так, словно последних трех лет не существовало:

– Такое, Арсюш, – выдерживаю паузу, чтобы еще сильнее акцентировать его внимание.
– Какое ты захочешь надеть мне на палец.

И я оказываюсь абсолютно права. Его взгляд мгновенно темнеет, а руки напрягаются. Он смотрит на меня не мигая, словно желает прямо здесь швырнуть на пол и растоптать.

И я прячу свою натянутую улыбку, глядя в его глаза с вызовом. Потому что у нас общее прошлое. Потому что это прошлое – большая тема, и бить в эту точку можно обоюдно. Но лучше все же не трогать, чтобы окончательно все не испортить.

– У нас сейчас проходит акция, – вклинивается консультант. – Обручальные кольца с бриллиантами можно приобрести по выгодной цене.

Мы со Славным на него не реагируем, продолжая сверлить друг друга так, словно от этого зависит исход битвы. Битвы, которой нет.

В итоге, парень опускает взгляд чуть ниже моих глаз и какое-то время рассматривает меня. После меняется в лице и уже привычно хмыкает с откровенной насмешкой.

– Нам не нужны акционные кольца, – поворачивается он к парню. – Давайте какой-нибудь эксклюзив. Для любимой все самое лучшее.

В этот раз на издевку я реагирую не так болезненно, а потому и сдачи дать не спешу. Каждая женщина знает, что до удара нужно выждать. Фактор неожиданности порой играет решающую роль.

Консультант подвел нас к отдельному стеллажу и предложил померить несколько моделей колец. На ярлыки с информацией я даже не смотрела, потому что думала, что Арс не станет ничего покупать, как и в случае с платьем. Несколько изделий мне понравились особенно сильно. Тонкие ободки изящно обхватывали пальчик и радужно сверкали рядом прозрачных камушков. В бриллиантах я никогда не разбиралась, только знала, что они разительно отличаются от других драгоценных камней.

Очередное кольцо село на палец, как родное. С ним расставаться мне уже никак не хотелось, и консультант, судя по всему, мгновенно об этом догадался.

– Это обручальное кольцо из серии Бартеловичче. Итальянский ювелир в одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году выпустил коллекцию из двенадцати украшений, каждое из которых соответствует знаку зодиака.

– А это? – спрашиваю заинтересованно.

Парень осторожно берет мою ладонь и переворачивает. На ободке гравировка в виде символа, который я мгновенно узнаю.

– Скорпион, – улыбается консультант.

– Я не скорпион, – улыбаюсь в ответ, снова переворачивая ладонь и разглядывая украшение под светом софитов.

Скорпион это Арс. Но, боюсь, колечко ему и на мизинец не налезет.

Представив, как монстр надевает, а затем остервенело пытается снять ювелирное украшение, я начинаю улыбаться словно дурочка. Снимаю драгоценность и возвращаю консультанту, уже собираясь разворачиваться, чтобы уйти, но тут слышу:

– Мы возьмем. Парное к нему есть?

Смотрю на монстра и пытаюсь понять: нахрена? В смысле, зачем, если никто их носить не будет.

Славин, ощутив мое внимание, поворачивает голову и вздергивает бровь с татуировкой, как бы спрашивая: «Что?».

И когда продавец радостно бросается искать мужское колечко в пару, я не сдерживаю себя:

– Зачем? С ума сошел?

Но он не отвечает даже. Достает телефон из кармана и набирает кому-то сообщение.

Я зависаю, глядя на него. Кажется, что если заору – не докричусь. И дело даже не в том, что он сам желает меня игнорировать, а в том, что мы с разных планет. Такими были задуманы изначально, такими встретились и такими же расстались, чтобы вновь столкнуть наши вселенные в одной плоскости и проверить теорию взрыва на практике.

И у меня такое чувство, что катастрофа неизбежна.

Консультант приносит подложку с мужскими кольцами и принимается подбирать для Арса максимально подходящее к моему обручальному. Монстр не смотрит в мою сторону, полностью увлеченный процессом поиска, а я продолжаю рвать себя изнутри переживаниями.

Ураган в душе не собирается утихать, и я не имею представления, как справляться с собой. Как отвлечься от мучительных терзаний и утихомирить тараканов в голове. Их-то климат Арса не примет, если все вскроется. Даже представить боюсь, какова будет реакция узнай он, что на самом деле случилось три года назад.

– Это.

Меня вырывает из мыслей, и я фокусирую взгляд на выбранном украшении. Максимально просто выглядящее кольцо, поблескивает единственным камнем в незатейливом узоре.

Я быстро теряю интерес. Ровно до вопроса Славина:

– Возможно заказать гравировку? – получив утвердительный ответ, монстр рассчитался за кольца и заполнил какие-то бланки.

Выяснить, что он написал, я не смогла. На попытку заглянуть через плечо, Арс отреагировал насмешкой и закрыл мне весь обзор.

Когда оказываемся снаружи, я сразу обращаю внимание на нашу сопроводительную машину. Никто не вышел встречать, но и Славин никого не звал, чтобы узнать, как все прошло с теми, кто следил за нами.

Сев в машину, я поворачиваюсь к «жениху» и тихо спрашиваю:

– Они разобрались?

Монстр бросает на меня короткий взгляд и кивает. До дома мы едем в молчании. Каждый при своих мыслях. Я обещаю себе, что буду держаться как можно дальше от него. После завершения сделки уеду куда-нибудь с мамой, как и хотела, но... Почему-то всегда есть какое-то гребаное «но», не оставляющее меня в покое. Я уже знаю, что будет тяжело и больно. Снова.

Дома мы не разговариваем и стараемся держаться друг от друга подальше. Арс кажется отстраненным, но все равно приходит в мою комнату к ужину. Так же включает новостную передачу и изредка бросает на меня равнодушные взгляды, видимо, отслеживая, когда я закончу.

А я не спешила...

В доме Сомова ужин занимает обычно около получаса. С Арсом я не слежу за временем, но понимаю, что заканчиваю трапезу только к концу программы, когда ведущие прощаются со зрителями. Славин ничего на это не говорит. Во взгляде даже насмешки нет, он просто встает, когда я оставляю в покое пустую чашку.

– Через час мы выезжаем в клинику. Загора сказал, что тебя нужно еще раз обследовать.

Не понимаю, почему так поздно, но все равно киваю. Если у меня есть час, то можно особо не торопиться, что я и делаю, оставаясь в постели, когда за Скамом закрывается дверь.

В голове только одна мысль панически носится по кругу. Та, которая никак не может понять, что именно делает Славин. Со стороны кажется, что он просто добр ко мне, но проблема как раз в том, что так быть не должно. Не должно. Раньше он смотрел на меня, как на

пустое место и я это понимала. Почему сейчас все изменилось? Не может же дело быть только в сделке?

Внутренний голос ехидно смеется, цепляя когтем сердечную мышцу и шепчет, что мне просто хочется верить, что Арс до сих хранит какие-то чувства.

И я понимаю, что это похоже на истину. Вероятно, я вижу только то, что хочу видеть.

Через указанное время, я спускаюсь вниз. Славин курит на веранде, и я на несколько секунд задерживаю взгляд на широких плечах и крепкой шее, расписанной темными узорами. Морщусь, когда до меня долетает дым сигарет, и заставляю себя прекратить бессмысленное созерцание.

– Я готова.

Арс оборачивается и окидывает меня взглядом, словно ожидая, что я буду стоять в коктейльном платье и на высоких каблуках. Нет, просто джинсы и кеды. Просто я.

Кивает, выдыхая дым, отворачивается и идет к машине. Окурочек летит в урну у подъездной дорожки, пищит сигналка и монстр ныряет в авто. Я сажусь на пассажирское сидение и прислушиваюсь к своим ощущениям. Кажется, что что-то неуловимо изменилось. Что-то тревожно стучит под коркой и просит быть осторожнее.

Дорога занимает минут двадцать. Мы оба молчим и даже не пытаемся зацепить друг друга вниманием. Только у входа в клинику Арс придерживает меня за локоть и смотрит в глаза.

– Ты мне не ответила тогда. Тебя ударил Грохов?

В его взгляде отражается что-то холодное. Что-то равнодушное. Я снова понимаю, что вопрос не из праздного любопытства, но не вижу того, чего боюсь до крика – желания мстить.

– Нет, – качаю головой. – Не Грохов.

Кивает понимающе и пропускает внутрь. Загору я нахожу взглядом моментально. Он болтает на ресепшене с медсестрой, и когда замечает нас, широко улыбается и машет рукой.

– Привет, как твое сотрясение?

– Лучше, – отвечаю, не тая улыбки. – Голова почти перестала кружиться и уже не тошнит.

– О, да это просто замечательно. Значит, организм адаптировался.

Загора ведет нас по коридорам и в итоге отдаёт меня в руки врача, который усаживает в кресло цепляет к голове уже знакомые мне штуки. Что-то говорит, спрашивает, но я не особо внимательно отслеживаю эту беседу. Меня напрягает, что за дверью Арс и его друг остались вдвоем, и, если прислушаться, я улавливаю крайне злой голос монстра. Слышу, но разобрать не могу ни слова из-за писка аппарата и монотонной речи специалиста.

Кажется, понять, что происходит мне не суждено. Потому что, когда меня отпускают, эти двое за дверью взирают на меня так, словно я во всех смертных грехах виновата стала, пока была за дверью.

– Вы чего? – спрашиваю не без удивления.

– Слушай, а как хорошо?..

– Заткнись! – бросает ему Арс. – Я тебе уже сказал, что это не проблема.

Загора качает головой и выдыхает, явно понимая, что спорить бесполезно. Отмахивается от него, суёт руки в карманы халата и уходит дальше по коридору бурча себе что-то под нос.

– Что случилось?

Ловлю на себе его тяжелый немигающий взгляд и прижимаюсь спиной к стене, когда он делает хищный шаг и кладет руку на мое плечо.

– Мы сейчас кое-куда прокатимся, Ворона, – опалает мое лицо горячим дыханием. – И ты преотлично отыграешь роль моей невесты.

От такой близости мое сердце медленно стучит в горле, прокачивая кровь по венам в режиме слоу мо.

– Без проблем, – отвечаю хрипло. – Почему ты говоришь так, будто я на это не способна?

Тяжелый взгляд скользит по моему лицу, рука смещается с плеча на шею, и монстр склоняется к моим губам, но не торопится подавлять. Нежное касание и вдох, влажный горячий язык по нижней губе с безмолвной просьбой отворить, и снова вдох. В этот миг я теряю голову, потому что открываюсь навстречу чудовищу. Отвечаю лаской на давно позабытые ощущения и буквально пью его.

Это минутное помутнение обрывается резко. Колючий тяжелый взгляд и Скам выдыхает то, чего я не желаю слышать.

– Потому что ты девочка-колокольчик, Ворона. До сих пор целуешься, как я научил когда-то.

Смотрю в его потемневшие глаза и понимаю, что мне нечем крыть. За три года не было даже намека на поцелуи с кем-то. Сама мысль об этом мне претит. Но сейчас это было легко, словно ничего из ряда вон выходящего не происходит. Словно это всего лишь Сеня Славин, срывавший поцелуи при любом удобном случае.

– И что в этом такого? – фыркаю и отвожу взгляд, пытаюсь скрыть не то стыд, не то смущение. – Еще никто не жаловался.

Арс не отвечает. Молча тянет губы в улыбке, но я вижу, насколько быстро начинает биться жилка на его шее.

– Не жаловались, значит. – Не вопрос, а констатация, сказанная пугающим тоном. – Понимаю.

Он снова бросает короткий взгляд на мои губы, а после разворачивается и идет на выход. Я с секунду смотрю на татуировку, выглядывающую из-под ворота черной рубашки, и думаю лишь о том, что с нами обоими происходит что-то странное. Все мысли и чувства сливаются воедино и в этой каше сложно разобраться. Практически не представляется возможным.

Делаю судорожный вдох, ощущая, как бьется сумасшедшее сердце в груди, и следуя за своим монстром.

Сейчас я не могу ни отказать, ни найти выход из ситуации.

Или не хочу?

Эта мысль пронзает стрелой все нутро, вышибает воздух из легких и заставляет замереть в открытых настежь дверях клиники. Я смотрю на крепкую спину парня, подкуривающего сигарету на крыльце, и с ужасом понимаю, что, доверившись ему в больнице, только усугубила ситуацию.

Арс курит, выдыхая клубы белого дыма во влажный воздух. На улице стремительно стемнело из-за нагнанных туч и теперь накрапывает мелкий дождь. Стало ощутимо прохладнее.

– Садись в машину, – безушно роняет монстр.

Вот только мне совершенно не хочется. Не хочется, но я обнимаю себя за плечи, плетусь к транспортному средству и забираюсь внутрь. Пару минут, пока он курит, я рассматриваю огни вечернего города и с усилием отвлекаю свое внимание от ощущения его взгляда на коже.

Это почти невыносимо, осознавать себя радиоприемником, настроенным на одну частоту. Его частоту.

С этой мыслью я сижу в машине всю дорогу до какого-то странного заведения, больше похожего на ночной клуб. Ещё на подъезде к зданию, примечаю толпу явно пьяных парней, весело беседующих о чем-то своем. А у входа вообще очередь. Молодые парни и девушки стоят нестройным рядом с возмущением ожидая, когда их начнут впускать.

Я выбираюсь из машины и практически сразу попадаю в его руки. Он твердой рукой прижимает меня к себе за талию, тихо склоняется и шепчет:

– Будь послушной девочкой, Ворона.

Я не отвечаю. Внезапно вспоминаю, как он гладил под шортами Харину на кемпинге и стремительно заливаюсь краской. Он знает, что я не могу позволить ему подобное, так какого черта?!

«— Потому что ты девочка-колокольчик, Ворона» – проносится в сознании.

Сглатываю, но все равно позволяю прижимать себя к твердому боку сильной рукой. Я ведь сама возмущалась, что он не доверяет мне. Дура.

Когда мы оказываемся у входа, охрана просто кивает Арсу и пускает нас внутрь. Я чувствую на себе взгляды мужчин, но вряд ли хоть один смотрел на меня дольше секунды.

Внутри здания нас встречает крепкий парень с печатью в руке. Кивнув Славину, он сдвигается чуть в сторону и пропускает нас за дверь, из-за которой приглушенными басами стучит музыка.

Я чувствую едкий запах сигаретного дыма и мне не нравится атмосфера. Не знаю каким образом, но Арс понимает это. Открыв дверь, пропускает вперед. Длинный красный коридор почти пуст, но здесь музыка уже звучит достаточно громко, чтобы не услышать фразы, тихо брошенной монстром.

– Что? – оборачиваясь переспрашиваю его, но напарываюсь на сильные руки, которые обхватывают мою талию и вздергивают вверх.

– Подыгрывай, Ворона! – нагло ухмыляется он, а секундой позже прижимает к себе, впинаясь в губы.

Я не отвечаю на поцелуй. Не хочу. Не понимаю, что он делает, ведь здесь практически никого нет.

– Перестань! – шепчу в его губы, уже чувствуя, как кружится голова. – Прекрати!

И монстр разрывает поцелуй, но лишь за тем, чтобы подхватить меня под попу и заставить обнять себя ногами. Смотрит мне в глаза и чуть вздергивает татуированную бровь.

– Будешь строить из себя недотрогу, мы расторгнем сделку, Оля.

Поджимаю губы и молчу, не зная продолжать ли мне этот фарс или слать все к черту. Но слать к черту – значит вернуться в исходную точку. А я не хочу замуж за Грохова.

– Руки не распускай! – шиплю на него, не имея возможности сохранять спокойствие. В такой позе я... беззащитна.

– Нет, Ворона, в сделку мы не вносим новых условий, – он ухмыляется и сжимает мою ягодицу. Не сильно, но достаточно, чтобы распознать уверенный и не тонкий намек. – Ты согласилась на роль моей невесты? Будь добра, соответствуй.

С этими словами он делает несколько шагов и толкает дверь. На нас тут же падает тяжелая музыка, заставляющая нутро сжиматься от каждого удара басом. Я не дергаюсь на руках парня, но и в глаза ему смотреть после такого не могу.

Я и не задумывалась, что мне придется соответствовать его статусу и репутации конченного раздолбая. Однако эта мысль утвердилась, когда он вместе со мной рухнул на диван и крепко стиснул талию при попытке слезть с его колен.

– Здорова, Арс! – заорал кто-то над нами.

Славин повернулся и жутко ухмыльнулся, отчего мне стало не по себе.

– Какими судьбами? – разомкнул объятия и сжал чужую крепкую ладонь. Я подняла голову и взглянула на темноволосого незнакомца. Видела его впервые, но лицо мне показалось знакомым. Да и он сощурился, силясь понять кто я такая.

– Воронова, – хмыкнул Скам. – Моя невеста.

– Воронова, которая Сомова? – не понял парень.

А я вот в нем узнала черты Альховского. Компаньон отчима по сталелитейному бизнесу. Та ещё барракуда, про которую Сомов только и рассказывал, как хорошо он ведет свои грязные дела на теневой стороне рынка. И про сыновей говорил, что поколение подрастает что надо.

– Она, – осклабился монстр – У тебя здесь терки?

Сглотнула и чуть сильнее прижалась к Арсу, когда Альховский окинул меня внимательным взглядом.

– Догу жду. Слушай, на кой тебе проблемы с Гроховым? Верни девку...

Арс сразу сбрасывает свою маску преступной беззаботности. В один момент я понимаю, что сижу на коленях у дикого зверя, потому что даже громкая музыка не может подавить опасность, исходившую от парня. Каждый бас напоминает мне, как вколачивались его кулаки в лицо моего неудавшегося насильника и мне хочется убраться отсюда куда подальше.

– Я твоего мнения спрашивал?

Парень усмехается, качает головой, бросив на меня короткий взгляд и уходит. Он напоминает мне Загору, который точно так же поступил менее часа назад. Все это говорит лишь о том, что они представляют масштабы проблем, которые пытаются объяснить Скаму. Они. Не Славин. Тот разглядывает что-то за моей спиной и совершенно не думает о будущем.

– А вот теперь максимально расслабься, милая, и не пищи.

Он стискивает меня в объятиях и целует в шею, прокладывая влажную дорожку. У меня и без того голова кругом, и я вместо того, чтобы расслабиться, как он советовал, лишь сильнее напрягаюсь, упираясь ладонями в его плечи.

– Арс! – хриплю едва слышно.

В ответ он прикусывает кожу на шее и болезненно стискивает мою талию, после чего шепчет на ухо:

– Видишь ли, Ворона. Когда со мной девушка, она не сидит сложа руки. Это знают все мои знакомые. И если ты и дальше будешь изображать из себя целочку, они, мать твою, поймут, что ты не моя баба, а пустое приложение. Отвалит ли в таком случае Грохов?

В его голосе полно насмешки и... Предвкушения?

Я глубоко дышу, пытаюсь избавиться от дрожи и слабости. Пытаюсь унять сердечный ритм. Но мне это не помогает абсолютно, когда наглая и сильная рука пробирается за край моей футболки и сжимает нежную кожу.

– Просто потерпи немного, милая. Сейчас с ещё одним ублюдком поздороваемся и уйдем, – только вот в голосе нет ни капли желания сократить времяпрепровождения в моей компании.

Всхлипываю, когда под кожей прокатываются тысячи иголок и пытаюсь отодвинуться, но настойчивая рука продолжает властно сжимать чувствительную кожу.

– Даже забавно, – говорит низким голосом. Тихо, но в такой близости мне прекрасно слышны интонации. – Несколько лет назад я только мечтать мог о том, чтобы потискать свою девочку. А сейчас ты вся такая доступная и возбужденная.

Эта информация доходит до меня не сразу, но, когда я понимаю, о чем речь, томительные ощущения превращаются в леденящие душу ужас и отвращение. Дергаюсь в его руках, но Арс прижимает к себе только крепче и зло смеется.

– Какого хрена, Арс? Тебя по всему городу с собаками ищут.

Я делаю вдох и прекращаю брыкаться на твердых коленях. Прислушиваюсь к голосу, узнавая своего двоюродного брата и боюсь повернуться. Боюсь, что узнает. Всего боюсь в этой странной ситуации.

– Ну и? – протягивает монстр уже совершенно безэмоциональным голосом. – Что делают, когда найдут?

Возникла секундная заминка, а после Валера Сомов рухнул рядом с нами на диван. Он всегда был крупным подкачанным парнем и весил немало, а потому мы с Арсом ошутимо подпрыгнули.

– Сам будто не знаешь, – хмыкает он, а после замирает, глядя точно на меня. – Оля?

– Моя невеста, – с улыбкой отвечает Скам, намеренно хватая меня за затылок и притягивает к себе, погружая в жесткий и порочный поцелуй.

У меня внутри все вздрагивает, когда его язык проникает в мой рот и начинает там хозяйничать. Горячие ладони спускаются на бедра и тискают, а я только и могу, что позволять ему подобное. В присутствии брата, мне было особенно страшно. Особенно после того, что делал сейчас монстр.

– Какого хрена?! – взрывается Валера. – Какого хрена, долбаная ты сука?!

А дальше, все как в замедленной съемке. Поцелуй разрывается, я делаю вдох и вижу, как Славин хватается парня рукой за шиворот и дергает вниз. Валера валится с дивана, но тут же подпрыгивает и бросается на нас, вот только не успевает достать. Арс зажимает руками мои уши и прижимает к себе, а над нашими головами вдруг звучит звонкий хлопок.

Все кричат. Славин поднимается со мною на руках и несет прочь из клуба. Меня всю трясет, но я боюсь о чем-то спрашивать и даже немного благодарна, что он не делает этого в ответ. Только ставит на ноги у машины, хватается за подбородок и вздергивает, заглядывая в глаза.

– Ублюдок давно нарывался.

В этот момент я окончательно осознаю, что произошло. В этот момент во мне умирает, пожалуй, последняя надежда на то, что моего Арсения Славина ещё можно вернуть. Нет. Передо мной не монстр, не чудовище. Передо мной бездушная тварь, для которой ничего не стоят чужие жизни и судьбы.

– Скам, – продавливаю непослушными губами.

Арс едва заметно тянет губы в улыбке и тихо отвечает:

– Приятно познакомится, детка.

Глава 5

Следующие два дня проходят словно в тумане. Я не отмечаю никаких событий, полностью погруженная в свои мысли и воспоминания. Произошедшее в клубе с двоюродным братом стало для меня потрясением. Вовсе не потому, что я его любила. Валера действительно был подонком, каких поискать.

В первую нашу встречу, он отличился тем, что сломал руку новенькой уборщице, когда узнал, что та прибиралась в его комнате. А после преспокойно отвесил отцу, что возместит ей вред в денежной форме. Даже сама женщина не пикнула, когда он озвучил цифру. Владимир Сомов никак не отреагировал на это. Более того рассмеялся и заявил отцу, что главное – это умение сыновей улаживать конфликты.

И если его поведением в первую встречу я была обескуражена, то впоследствии он меня пугал попыткой наладить контакт. Виделись мы редко и только на званых ужинах, но мне с головой хватало его внимания. Особенно, когда мы оставались наедине и он опускал недвусмысленные шуточки. Однажды даже зажал в коридоре с явным сексуальным подтекстом, но мама его прервала. С той поры я старалась всегда держаться кого-то, чтобы не испытать этот ужас снова.

Брат к счастью, а может и к сожалению, не умер. По новостям сообщалось о перестрелке и ранении сына местного депутата в ногу. А также о возбуждении уголовного дела. Причем, новость эту я увидела за ужином, когда Арс, как обычно включил телевизор, пока ждал окончания моей трапезы.

Я не задавала никаких вопросов, хоть и понимала, что стрелявший с такого расстояния просто не мог промахнуться, а значит намеренно ранил. То есть спровоцировал серьезный конфликт для Славина. Я не знаю зачем. Понимаю только, что это очень... очень большие проблемы.

Когда в комнату проникают лучи закатного солнца, на мой мобильник поступает сообщение от Жанны. Зайцеву не устраивали мои короткие и малоинформативные ответы, а брать трубку и разговаривать с ней я не решалась. Она поймет, что с моим настроением что-то не так, а это чревато её попытками вытащить меня куда-то. Рассказывать про Арса я не спешила, надеясь, что слухи не дойдут до неё раньше, чем мы оба выполним условия сделки.

«Ворона, блин, клянусь я тебя задушу при встрече!»

Улыбаюсь этой неосуществимой угрозе, и припоминаю, как Зайцева дулась, когда отец увез нас с мамой в горы, отобрав все гаджеты.

Скривилась, поняв, что снова в мыслях назвала Сомова отцом, хотя мой папа жив и находится в добром здравии.

«Ты слишком меня любишь, Зайцева. Что я опять сделала не так?»

«Это ты демона своего татуированного спроси! Невеста? Какого хрена происходит вообще?!»

Сглатываю ком, понимая, что дело – дрянь. Только собираюсь спросить откуда она знает, как дверь в мою комнату бесцеремонно открывается и на пороге возникает упомянутый с пакетом в руках. Он проходит в помещение и ставит принесенное на мою кровать.

– Иди в душ и одевайся. Через час мы должны быть на приёме.

Сам Славин стоит в черном костюме и белой рубашке без галстука. Верхние пуговицы расстегнуты и демонстрируют жуткий череп на шее, который невольно привлекает внимание.

– Можно было раньше предупредить.

– Я говорил. Ты не слушаешь меня, Ворона, – хмыкает он, оглядывает почему-то с ног до головы и делает совершенно неожиданное заявление. – Черт, тебе пойдут откровенные платья.

В любой другой ситуации, я бы не обратила на его слова никакого внимания, но сейчас с подозрением смотрю на парня, после хватаю с края постели пакет и заглядывая внутрь, готовясь увидеть там как минимум корсет, стринги и чулки.

Его смешок заставил напрячься, но я все равно выудила черную ткань и осмотрела. Короткое коктейльное платье, не предполагало ношение нижнего белья. Это я поняла, как только увидела вырезы на боках по всей длине платья.

– Я это не одену! – бросаю на скалящегося монстра взгляд.

– А я не спрашиваю, милая, – спокойно отвечает он. – Соответствуй или катись к Грохову.

Я едва зубами не скрежещу от злости. Мне не нравится обращение. Не нравится, что он диктует правила, но я вынуждена согласиться и он об этом прекрасно знает.

– Я не буду это надевать, – сжимаю губы и прямо смотрю в его наглые стальные глаза.

Он секунду или две смотрит в ответ. Уже без тени улыбки на красивом лице, сует руки в карманы брюк и кивает:

– Ладно. Ты знаешь где выход.

Он разворачивается и выходит из комнаты, оставляя потрясенную меня смотреть на то, как медленно закрывается за ним дверь.

– Он меня выгнал? – произношу вслух вопрос, словно здесь есть к кому обратиться.

Но ответа не звучит, а потому я в полной мере представив, как выхожу за ворота и шагаю в неизвестном направлении без защиты и средств к существованию, вскакиваю с постели и несусь в коридор, чтобы громко крикнуть:

– Я согласна!

И потрясенно замереть, увидев оперившегося Славина о стену у моей комнаты.

– Я не сомневался в тебе, Ворона, – скалится монстр. – В душ и на выход.

Мне в какой-то мере стыдно за свою глупость и предсказуемость, поэтому я вновь поджимаю губы и возвращаюсь в комнату, где следую его приказу – отправляюсь в душ.

Стараюсь не думать о том, что происходит и о том, что монстр все чаще улыбается так, словно я ему снова интересна. Возможно не больше, чем объект мести, но... Он улыбается. Он не делает мину кирпичом, как при каждой нашей встрече и не провожает колючим взглядом, от которого я ещё долгое время не могу избавиться.

Выбираюсь из-под горячих струй воды, обтираюсь полотенцем и иду в комнату, чтобы высушить волосы и одеться. Платье так и осталось лежать на постели, и пока я занималась сушкой и укладкой, придирчиво разглядываю короткую черную тряпку.

На коробке узнаваемый дизайнерский логотип. Я понимаю, что эта вещь достаточно дорогая, но все равно мне кажется, что я буду выглядеть в ней дешевкой. Но также понимаю, что ничего не могу сделать.

Отложив фен в сторону, беру дизайнерский «шидэвр» и стаскиваю с себя полотенце, обернувшись к зеркалу. Взгляд цепляется за бедро, и я чуть отворачиваюсь, чтобы не видеть увечий в отражении. Только расправляю ткань, как сердце ухает вниз от потрясенного голоса монстра:

– Какого?..

Выдох. Ошарашенный, обескураженный, не мой.

Я резко разворачиваюсь и сжимаюсь, боясь показать бедро с увечьями, но уже через секунду прихожу в себя и начинаю поспешно натягивать на себя платье

– Выйди! – хриплю из всех сил.

Руки дрожат, глаза наполняются влагой и я, кажется, перестаю себя контролировать. Понимаю это, когда длинные татуированные пальцы с силой сжимают моё плечо и разворачивают лицом к их обладателю.

– Нет! Пусти!

Арс не говорит ничего. Губы зло сжаты, в стальных глазах бешенство вперемешку с ураганом из желания разгромить всё вокруг и придушить меня. Он швыряет меня спиной на кровать, склоняется и отнимает мои руки от полос, сложенных в четыре буквы, которые даже слепой сумеет прочесть.

– Что это за хрень?!

Я не отвечаю. Горло сжимает спазмом, а из глаз текут слезы, которые мне трудно остановить.

Монстр продолжает на меня смотреть, разъяренно ожидая ответа, но я отворачиваюсь. Вот только этим я позволяю Славину перевести взгляд на шрамы, коснуться кончиками пальцев и обвести каждую букву.

– Там же ничего не было, Оля, – выдохнул зло. – Какого хрена?!

– Уйди, – прошу хрипло. – Я ничего не буду объяснять!

Потому что он убьет меня. Потому что легче никому не станет, если он узнает правду. Потому что три года взаимного игнорирования не прошли бесследно.

Арс вдруг склоняется и упирается лбом в моё плечо.

– Ворона, ты действительно непрошибаемая дура, – хрипит устало. – Ты же меня любила.

Услышав эту фразу, внутри что-то щелкает и разжимает болезненные тиски. Меня накрывает чувствами вины, обиды, сожаления и я уже не могу сдерживать бушующее море, что плещется в душе. Всхлипываю и спускаю истерику с поводка, буквально навзрыд.

Монстр сгреб меня в объятия и крепко стиснул. Мне было плевать, что мокрое полотенце скомкалось и сползло. Плевать, что видел со слезами и соплями. Плевать, что молчал.

Я не могла остановиться, прокручивая в мыслях момент, когда сказала ему что мне не интересны отношения с ним. Когда он в ответ усмехнулся так, будто давно ждал этой фразы и я не могла его в этом разубедить. Просто в один день мы стали друг другу чужими. Просто одним моментом разрушили хрупкий мирок, в котором плыли в одной лодке. Наговорили кучу гадостей и разошлись каждый к своему берегу.

Через пару минут я успокаиваюсь в крепких объятиях. Мы продолжаем лежать в обнимку, ожидая, когда меня окончательно отпустит.

– Почему, Оля? Если не из-за Грохова, то почему? – вопрос звучит мягко, но я знаю, что Арс далек от спокойствия и едва ли способен сейчас его сохранять.

– Я не хочу говорить об этом, – шепчу хрипло.

– Я хочу! – уже настойчиво.

Он приподнимается и окончательно отбрасывает влажное полотенце, на что я предсказуемо реагирую, желая прикрыться от его взгляда.

Только парня вовсе не моё тело интересует. Он снова смотрит на шрамы. Смотрит и хмурится, чтобы через несколько мгновений, когда я начинаю подниматься, укрываясь одеялом, толкнуть меня в плечо и нависнуть сверху.

– Значит, ты строила из себя тупую шлюху, заикленную на деньгах, а сама мой зад прикрывала, Ворона? – в голосе и капли нежности не было, что резонировало с логикой поставленного вопроса.

Молчу, глядя в его темные от бешенства глаза и понимаю, что как бы ни хотела, а этого разговора избежать не могу. А я не хочу обосновывать ему свои действия.

– Славин, слезь с меня, – требую я. Голос ещё сиплый, но нотки жесткости все же прорезаются. – Тогда я была дурой. И сейчас тебе это не дает никакого права вытаскивать из меня информацию о моих мыслях и чувствах на тот момент.

Монстр щурится, чуть приподнимается и оттягивает пальцами ворот белоснежной рубашки, из-под которой на меня уставились пустые глазницы черепа. Он сел сбоку от меня и пресёк попытку подняться, удержав ладонью за плечо.

– О чувствах твоих я уже догадался, Воронова, – Арс принимается стаскивать пиджак и закатывать рукава на белоснежной рубашке. – Влюбленная малолетняя дура явно сама себе на уме, да? Мне причины поступка нужны, милая.

Я только фыркаю и снова предпринимаю попытку подняться, но на этот раз уже настойчиво. Монстр долго со мной не церемонится, он просто опрокидывает меня на кровать, переворачивает на живот и стягивает одеяло, оголяя зад.

– Что ты делаешь?! – рявкаю я. – Арс, прекрати немедленно. Мы опоздаем.

Звякнула пряжка ремня и я непроизвольно сглотнула, когда за этим звуком последовало и шарканье, будто он рывками вытаскивал его из шлевок брюк.

– Мы уже никуда не торопимся, Оля. Пока я не выясню, что произошло в тот день, ты из этой постели не выберешься.

В его голосе я слышала улыбку. Злую улыбку, которая мне точно не мерещилась.

– Славин, не делай того, о чем сам потом пожалеешь! – я произношу это самым строгим тоном, который только есть в моем арсенале, но парню, кажется, совершенно плевать.

– Я в своей жизни сделал много вещей, о которых жалею, Ворона, – он хватает мои запястья и стягивает их ремнем, пока я потрясенно хватаю ртом воздух. Мои вялые трепыхания ему нисколько не мешают. – И поверь, данная ситуация в этот список не войдет.

Я дергаюсь, но затихаю, понимая, что бороться с ним не смогу.

Славин поднимается с кровати, скользит по мне взглядом и тут же натягивает на меня покрывало. Он делает несколько шагов, и я слышу щелчок зажигалки, а после и то, как открывается створка окна.

– Давай сначала, Ворона. С самого начала. С того дня, когда идиот Сомов узнал, что мы встречаемся.

– Мы не встречались, – хрипло выдаю я, чувствуя, как старый жгучий ком снова перекрывает мне горло.

– Да? – спрашивает с ухмылкой. – Помнится, кто-то девственности лишился на парковке. Если это не встречались, Оля, я боюсь спросить, что для тебя значит вступить в отношения.

– Козел, – выдаю я и жмурюсь, запихивая подальше воспоминания о тех днях. – Ты же просто трахнул меня, урод.

– Именно, Воронова, – в голосе Арса уже нет и тени улыбки. Он снова затягивается и добивает меня: – Я просто трахнул девушку, которая стала для меня центром вселенной. Девушку, которая на следующий день сообщила, что использовала меня, как тряпку. Чтобы в следующий раз, когда будет спать с другим парнем ей было приятно.

Внутри меня, кажется, образуется черная дыра. Я втягиваю ртом воздух и дергаюсь, пытаюсь освободить руки, но без толку. Остается лежать и молчать, либо отвечать на болезненные заявления.

– Я такого не говорила, Славин.

– Поверь, это то, что я слышал в фразе: Мне не нужны эти отношения, Сеня, – последнее слово он проговаривает с насмешкой и я чувствую, как шрамы на бедре вспыхивают под его взглядом.

– Через пару недель после расставания, я имел разговор с Сомовым, – он замолкает на секунду, чтобы сделать очередную затяжку и выдохнуть: – Он много чего говорил, но ключевая фраза, которая мне почему-то особенно меня тогда задела была: – Ты думаешь она из-за тебя вены режет? Нет, пацан. Имен таких, как ты не вырезают на коже, чтобы навсегда запомнить.

К глазам подступают слезы. Я отворачиваюсь и кусаю нижнюю губу до боли, чтобы снова не разревется в голос.

– А ты, значит, вырезала меня на коже, да? – он закрывает окно, и подходит к кровати, чтобы через мгновение сесть рядом, перевернуть меня и снова провести кончиками пальцев по давно зарубцевавшейся ране. – Сеня, значит, – усмехается вновь. – Зачем, Оль?

Я не смею на него. Мне тяжело объяснить зачем. Потому что мне было плохо. Мне было так плохо, что не хотелось жить. Не хотелось ничего. Так плохо, что даже еда утратила вкус. Когда мне сообщили о помолвке с Гроховым, я уже знала, что нас с Сеней больше нет. Что будущее с ним невозможно, потому что Сомов найдет способ избавиться от парня. И вряд ли, Арс по-хорошему согласился оставить меня в покое.

– Ты переспала со мной уже зная, что уйдешь, – констатирует он. – Я, дурак, до сегодня, все не мог осмыслить твоё поведение.

– Ты тоже меня отшил, если не забыл, – отвечаю сипло. – Тебе было плевать на меня, разве нет?

– О, прости! Ты о том дне, когда мне Сабуров сказал, что ты уже неделю как с каким-то дедом на свидания гоняешь? Ну так я не отшивал, милая. Я просто шлюху перед собой видел.

Сабуров – мой сосед по подъезду. Мальчишка жил на первом этаже и любил понаблюдать за соседями, когда мать наказывала его и садила под домашний арест. Почему-то ему нравился Арс, и сосед нередко перед ним заискивал.

Не удивительно, что он ему рассказал о том, что Грохов каждый день меня забирает на машине, дабы поближе пообщаться. Это уже после расставания со Славным я взбрыкнула и послала деда так далеко, что тот жутко обиделся. Остальные встречи с ним проходили строго под препаратами, подавляющими мою волю и снижающими риск отвесить уроду пощечин.

– Я не шлюха, – отвечаю дрожащим вдруг голосом.

Арс чуть сжимает пальцы на моем бедре, чему-то усмехается и произносит достаточно горько, чтобы я не отреагировала:

– А лучше бы была, Ворона. Ты действительно ворона. Вредная, надоедливая птица, которая все переворачивает в моей жизни вверх дном.

Эти слова кажутся обидными. Я смотрю в его стальные глаза и жду продолжения обвинений или новых издевательских высказываний, но Славин смотрит в ответ и почти не дышит.

Я чувствую, как от его взгляда по венам стремительно мчится разряд, который вот-вот кольнет в самое сердце. Арс чуть тянет уголок губ в сардонической усмешке и довольно откровенно ведет пальцами по бедру, а когда я хватаю ртом воздух, он склоняется и ловит мои губы.

И я начинаю задыхаться, от его ласки. От его близости. От того, что целует так же нежно, как когда-то. Теряюсь в ощущениях. Теряюсь в своем внутреннем я, которое радостно стремится навстречу его упоительной нежности.

И когда Славин откидывает с меня покрывало и освобождает руки, я уже не имею ни одной трезвой мысли в голове, которая бы заставила меня одуматься.

Ни одной.

Монстр заглядывает в мои глаза и нет уже во взгляде этой порочной насмешки. Обхватывает осторожно запястья и тянет на себя, словно я куда-то собиралась исчезнуть. Целует, снова и снова пробуя на вкус, а после останавливается и тянет жадно воздух.

Я молчу, понимая, что все это зря. Ни мне, ни ему эти отношения не нужны. Что так мы оторвем друг от друга куски наших душ, когда все это закончится.

– Прости, – шепчу едва слышно.

Арс сжимает зубы и на миг закатывает глаза, роняя только болезненное:

– Черт, Оля!

И все смешивается его порывом. Одним резким смазанным движением. Опаляет губы и запястья, опрокидывает на постель и сминая так, словно только об этом и мечтал всю жизнь. Жадно хватая воздух у губ и снова обжигает, чтобы вызвать безотчетное желание тянуться и получить ещё. Ещё капельку того, что уже три года было под запретом. Того, о чем даже в мечтах запрещала себе грезить.

– Сеня, – шепчу тихо, когда он осторожно касается пальцами живота.

Вздыхает болезненно, опускает голову к моей шее и замирает, силясь с собой совладать. Его дыхание приятно щекочет кожу. Стараюсь отложить это ощущение в памяти. Кладу руку на его голову и запускаю пальцы в короткую шевелюру, стараясь убедить себя, что это не жалкая попытка задержать его, а способ успокоиться.

– Я трахну тебя.

Улыбаюсь, слыша в его голосе злость.

Если бы хотел оскорбить и унижить, не остановился бы, верно? Если бы так ненавидел, не позволял бы себя обнимать. Каждое слово – вранье. Вранье, которое предстоит разгребать.

– Славин, – зову тихо, продолжая мять его волосы.

– М?

– Если я умру, ты будешь грустить?

Внешне он никак не реагирует. Вполне нормальный вопрос, заданный не совсем нормальной девчонкой в ненормальных обстоятельствах, но в самом воздухе будто что-то меняется. Сексуальное напряжение сходит на нет, оставляя лишь жуткую злость. Я невольно ёжусь. Парень приподнимается и заглядывает в мои глаза, словно пытаюсь понять, насколько я двинулась умом.

И я бы, наверное, даже согласилась с этим предположением, если бы не:

– Вряд ли ты умрешь раньше меня, Ворона, – он встаёт с постели, поправляет на себе одежду и идёт к выходу. – У тебя пять минут, милая. Я в машине.

Сейчас я не способна куда-то собираться. У меня сердце стучит, как сумасшедшее, в горле сухо, а в голове раскуроченная черная дыра.

– И я бы не скучал, Ворона, – доносится до меня его крик.

Горло сжимает снова и мне приходится даже несколько раз сглотнуть, чтобы избавиться от боли.

– Скучал бы, – усмехаюсь я, натягивая на себя платье. – Но ты же, мудака, в этом сам себе не признаешься никогда.

Глава 6

Арс привозит меня в ещё один клуб. Только этот куда престижней, судя по его клиентам. Разодетые в дорогие платья девушки, пафосное оформление зала и официантки, незаметно скользящие между столиков. На сцене выступает группа. Солистка притягивает к себе взгляд не столько сценическим образом, сколько приятным голосом.

– Нам сюда, – указывает ладонью Славин на нужный столик, за которым уже сидят двое мужчин. – Не волнуйся, веди себя естественно.

От второй части фразы, хочется взвыть, потому что я сразу соображаю, что будет не просто. Что это очередное выступление Арса на публику. Хотя чего ещё я могу ожидать от сделки?

От последней мысли становится неуютно. Словно мало мне отсутствия нижнего белья.

Арс пожимает своим знакомым руки, но не позволяет им прикоснуться ко мне. Отодвигает для меня стул и устраивается рядом, взяв мою ладонь. Пока они беседуют «о погоде» он поглаживает мои пальцы, заставляя терять нить разговора.

Я без особого интереса разглядываю его собеседников, отмечая, что они оба лет на десять старше монстра. Выглядят очень серьезно, выражения лиц такие хмурые и не очень довольные. А ещё мне не особо нравится тон беседы, и я все силюсь понять, о чем разговор.

– Я предупреждал, Сергей, что всё пойдет иначе, если не послушаешь, – спокойно сообщает Славин, глядя на мужчину, сжимающего губы. – Остальное вопрос времени, и у тебя ещё есть запас, чтобы изменить свое решение.

Второй мужчина с необычным малиновым галстуком вдруг бьет кулаком по столу и рычит:

– Ты, сопляк, изначально не собирался выполнять условия сделки! Мы о тебе теперь наслышаны!

В этот момент я понимаю, что стала свидетелем слива очередного проекта монстра. Поворачиваюсь и пристально рассматриваю его профиль, словно пытаюсь найти на его лице беспокойство, сожаление или ещё что-то. Но на его губах играет лишь сардоническая улыбка, которая неприятно искажает черты его лица.

– Глупо было соваться, Роман. Глупо и недалёковидно. Я предупреждал, что ваши шашни с Такьяловой боком вылезут. Вылезли. Сделка автоматически сливается, потому что из-за ваших походов портить отношения со своими ребятами я не собираюсь.

Мужчина, сжимавший губы, вдруг начинает смеяться. Да так, что многие посетители оборачиваются. Он хлопает ладонью по столу, а после, успокоившись, берет со стола бокал с алкоголем и делает большой глоток. Морщится и ставит на место, взглянув на наши руки.

– Надо полагать, это дочь Сомова?

Монстр расслаблено склоняет голову, заинтересованно ожидая продолжения. Я никак не реагирую на вопрос, чувствуя себя в полной безопасности.

– Значит решил по-крупному играть? – Арс снова не отвечает, издевательски улыбаясь. – Ладно. Когда станешь частью этого прогнившего общества, дай знать. Я помогу разобраться с Зубовым.

Припоминаю, что Славин уже называл эту фамилию. Но она не кажется мне знакомой, я вообще понятия не имею, о ком идет речь.

– Зубов мой, – равнодушно выдает монстр. – Когда время придет, максимум, что я вам позволю – это допинать и сжечь его труп.

От этих слов я вздрагиваю всем телом и перевожу все свое внимание на парня. Он это серьезно? Арс на меня никак не реагирует, продолжая поглаживать мои пальцы.

Мужчина с малиновым галстуком, вдруг вскакивает и упирается руками в столешницу, глядя на монстра глазами полными бешенства.

– Ты, сучонок, за наш счет выбился в люди, и ещё позволяешь себе ставить нас перед фактом?! Я тебя на лоскуты порву.

– Осади, папаша, – хмыкает парень и выпускает мою руку. Чуть склоняется вперед и выдает резкое: – За ваш счет я только в мрази выбился. Чего ты от мрази хочешь? Я тебе уже сказал, как будет. Могу место рядом с могилкой Зубова забронировать.

И мужчины проглатывают это. Оба.

Славин усмехается, берет меня за руку и под их пристальными взглядами тянет из-за стола на танцевальную площадку. Я не очень понимаю зачем это нужно, но позволяю ему прижать меня к себе и скользнуть руками по вырезам платья.

Плавная мягкая музыка и нежный голос солистки утягивают в танец. Руки парня все время касаются, и я словно плаваю от ощущений. Особенно в момент, когда он скользит ладонью по моему плечу к шее и притягивает к себе, чтобы прошептать на ухо:

– Увлеклась, Ворона?

Отодвигаюсь и смотрю в его стремительно темнеющие глаза. Не улыбаюсь, потому что совершенно не чувствую веселья, и не отвечаю на поставленный вопрос, потому что не знаю, какого ответа он от меня ждет.

Продолжаю растворяться в музыке и ощущениях, что накрывают мягкими волнами. Позволяя горячим пальцами скользить по линии подбородка и не отвожу взгляда от голодной бездны, что смотрит на меня глазами парня.

Через несколько минут, мы покидаем клуб и пока мы идем к выходу, я перевариваю услышанное, но не особо понимаю, что именно произошло.

Оказавшись в машине, я не задаю вопросов. Просто разглядываю огни вечернего города и тихо напеваю слова песни, звучавшей из динамиков.

– Меня не покидает чувство, что ты что-то задумала, – вдруг проговаривает он.

Я только улыбаюсь загадочно в ответ и пожимаю плечами.

– Тебе кажется.

Он вздыхает, но молчит. Молчит даже когда мы оказываемся в доме. Я отправляюсь в свою комнату и очень надеюсь, что не придет сегодня ко мне, чтобы продолжить разговор. Меня пугает перспектива быть с ним откровенной. Я до ужаса боюсь того, что в итоге может вылезти на поверхность.

«За ваш счет я только в мрази выбился. Чего ты от мрази хочешь?»

– Скам, – прокатываю слово на языке, кажется осознавая всю его суть.

Нашей сделке тоже сбыться не суждено. Он с самого начала не собирался доводить её до конца.

Можно ещё долго играть в слепого котенка, находится в полном неведении и жмурится, пытаюсь избежать проблем. Где я окажусь в итоге, когда все закончится? Хочется верить своим чувствам, что я в безопасности, но разум подозревает неладное. Словно вокруг с каждым часом все сильнее сжимаются стены, и уютная спальня все больше походит на золотую клетку.

Мне настолько не нравятся эти мысли, я что я беру в руки смартфон и принимаюсь листать список контактов, в надежде найти заветный. Тот, что поможет в срочном порядке разрешить ситуацию. Но оказывается, что в списке моих знакомых такого нет.

Номер мамы набирается сам собой. Сердце натужно стучит, пока я жду ответа. Один гудок, второй, третий, звонкий щелчок и взволнованное: «Оля?» в трубку.

– Мам, мне нужна помощь. Кажется, я влипла.

Мы долго разговариваем, стараясь обсудить как можно больше деталей. Приходим к выводу, что моя глупость ещё поправима и находим один вариант из множества, чтобы избавиться от Скама и этой нежелательной сделки.

Когда я кладу трубку на моих губах играет улыбка. Он будет в бешенстве, возможно, станет искать. Но мне нравится мысль, что я избавлюсь от ощущения надвигающейся беды. Пока все поправимо мне нужно бежать от него, как от огня.

Я не спускаюсь вниз ни к ночи, ни ранним утром, когда солнце только-только восходит. Прислушиваюсь к тишине в надежде поймать момент, когда Арс уйдет из дома. И когда это происходит, вскакиваю с постели и принимаюсь перебирать одежду, которая может подойти.

Меня устраивают мои джинсы и футболка, но не хватает теплой кофты на случай, если станет холодно. Поэтому я нагло пробираюсь в спальню монстра и лезу в его шкаф. Среди теплых вещей лишь несколько свитеров и кожаная куртка. Они-то меня и устраивают, поэтому беру без зазрения совести.

Выдыхаю и спускаюсь вниз, бросая вещи на спинку светлого дивана. Совершенно не переживаю, что Арс вернется. Я уже успела выучить, что по утрам он куда-то пропадает на несколько часов и теперь без особой осторожности выжидаю время, которое тянется словно резиновое. Но я знаю, на что его потратить, а потому беру горячую чашку в руки и выбираюсь на улицу, где брожу по мягкой траве, разглядывая высокий забор и деревья. Нахожу, что искала и в дом возвращаюсь уже с улыбкой и легким чувством мандража.

В нужный час оставляю смартфон на столе, беру вещи и возвращаюсь к месту, откуда запланировала совершить побег. Перебрасываю шмотки и очень надеюсь, что на территории соседей нет злых собак. Чуть позже убеждаюсь в том сама, когда оказываюсь на прочной конструкции. Мне страшно, что свалюсь. Забор двойной, а по ту сторону нет ничего, за что можно зацепиться. Тонкий металл больно врезается в руки, но у меня нет выбора и приходится буквально повиснуть на вытянутых руках. И под тяжестью собственного веса я повреждаю кожу ладоней неровными краями профильного листа.

– Проклятье! – шиплю, оказавшись на земле и глядя на порезы.

Кровь обильно хлещет, но мне некогда этим заниматься. Я подхватываю вещи с земли и бегу вдоль забора, где, как я надеюсь, находится выход. И я снова не ошибаюсь. Спокойно проскакиваю через тихий дворик, открываю массивную кованную дверь и бегу к уже ожидающей машине такси.

Водитель смотрит на меня с нескрываемым сомнением. Наверняка выглядела, как воришка, едва выбравшаяся из засады, но его это не касается.

– Поехали! – едва не рычу ему. – Аптечка есть?

Водитель оборачивается, чтобы узнать зачем она мне, и я выпускаю из рук краденное у Скама, чтобы продемонстрировать свои кровоточащие ладони.

– Сзади, – кивает мужчина. – Перекись, бинты. Должно хватить.

Он трогается с места, уточнив предварительно адрес и я называю его, чтобы убедить несчастного, что я та, кому это такси заказывали.

До места назначения мы едем минут двадцать, и когда мои руки обработаны, а водитель прекращает пялиться на меня в зеркало заднего вида с подозрением прислушиваясь к радио, я наконец вижу машину скорой помощи и знакомого мужчину, угрюмо вглядывающегося вдаль.

– Я не буду ничего рассказывать, – сходу заявляю ему, когда взгляд Игоря Константиновича падает на мои перебинтованные руки.

Он ответил не сразу. Открыл дверь служебного транспорта, достал синюю сумку и порывшись в ней протянул мне сверток.

– Вряд ли там, куда ты собралась есть пункты скорой помощи. Если станет плохо, здесь обеззараживающие средства и антибиотики... – он взглянул в мои глаза, увидел в них отсутствие внимания и заканчивает коротким: – ...всё необходимое.

Я благодарно киваю и беру сверток, после чего позволяю увести себя в теплое нутро второго автомобиля, ожидающего меня на парковке.

Мне не задают вопросов. Просто протягивают мобильный, и я вижу на дисплее контакт, который заставляет меня улыбнуться.

"Любимая"

Пожалуй, так маму давно уже никто не называл, и мне нравится, что нашелся кто-то, кто может сделать ее центром своей вселенной. Она заслужила это, как никто другой.

– Алло, мам, – выдыхаю радостно в трубку.

– Ты в порядке?

– В целом да. Немного порезала руки, но это не смертельно.

Я слышу беспокойство в её голосе. Понимаю, что у нее есть причины волноваться, и меня это расстраивает.

– Мы все подготовили. Ты уверена, что будешь в безопасности одна? А если кто-то случайно выйдет на тебя?

Улыбаюсь, но объясняю, что я выбрала самое подходящее место для стоянки. В заповеднике запрещена охота и вылов рыбы на моторных лодках. И вряд ли кто-то проделает тот же путь, чтобы встать на кемпинг. Там для этого есть более подходящие места на платных площадках.

Мама все равно волнуется, но соглашается, что сейчас это лучший выход.

Я ненадолго залягу на дно, пока все не утрясется, а там уже придумаю что-то. У меня будет полно времени для этого. Провизии мне хватит, машина забита под завязку, а в случае крайней необходимости, я всегда могу выбраться в населенный пункт в часе езды.

В скором времени я прекращаю разговор и возвращаю смартфон владельцу, все это время изучавшего меня взглядом.

– Здесь механика. Ты справишься?

Улыбаюсь и киваю, не поясняя, что училась на ездить на Ниве. Мой инструктор сказал, что, обуздав этого зверя, смогу справиться с любым другим. Так и было. Вот только машину я себе так и не приобрела, а ездила на старушке отца, которую он давно хотел отправить на покой.

Сжала губы, поняв, что снова в мыслях назвала Сомова отцом. Откуда только это берется? Вероятно, это последствия того, что я много лет себя приучала к этому. Не отчим или Сомов, а отец. В то время, как настоящий папа меня просто бросил. Возможно, это такая маленькая внутренняя месть?

Поднимаю глаза на доктора и понимаю, что он все это время меня пристально изучает. Взгляд профессиональный, сосредоточенный и мало похож на участливый.

– Я поеду, – бросаю коротко.

Завожу мотор и замираю, ожидая, когда мужчина покинет салон, но тот не спешит.

– Твоя мать просила передать, что очень волнуется. Запасной телефон лежит в бардачке. И чтобы ты знала, мне не нравится твоя идея. Будь у тебя компания, было бы спокойнее.

Я все понимаю, кроме одного: какое ему дело? В том смысле, что я всего лишь ребенок его возлюбленной. Взрослый и самодостаточный, способный решать проблемы без его особой помощи и вложения в меня личных средств.

– Я положил газовый пистолет под сидение, – серьезно проговаривает он.

На несколько секунд немею, но всё же нахожу в себе силы поблагодарить:

– Спасибо.

Игорь Константинович улыбается краешками губ и наконец оставляет меня одну. Я ещё несколько мгновений наблюдаю его задумчивую фигуру на обочине в зеркало заднего вида, и меня не отпускает чувство, что даже родной отец меня так не провожал, когда я виделась с ним в последний раз.

Ладони неприятно саднят, но всё становится куда хуже, когда я добираюсь до проселочных дорог. Машину трясет и руль приходится сжимать сильнее прежнего и от того чувствую, как кровью пропитываются бинты.

Я знаю, что мне ещё километров двадцать ехать по территории заповедника, но уже сейчас хочется притормозить и дать себе отдохнуть. Только я понятия не имею, как скоро Скам обнаружит моё исчезновение и что тогда будет делать.

Когда последний километр оседает дорожной пылью, а впереди виднеется сверкающая водная гладь, я останавливаю машину и выбираюсь под палящее солнце.

Пахнет тёплой сосной и водой, солнцем и спокойствием. И кровью. Моей.

Взглянув на свои руки, я вздрагиваю, после чего хватаю аптечку из машины и сажусь на капот. Красно-коричневые бинты разматываю и бросаю рядом с собой, обрабатываю руки хлоргексидином и наматываю новую ткань.

За сегодня мне ещё многое предстоит сделать. Собрать палатку, разгрузить вещи, обустроить лагерь и развести костер, чтобы приготовить еду. Мама должна была позаботиться о продуктах на первую неделю.

Я делаю передышку в пять минут, стараясь не думать ни о чем. Но из головы никак не выходит мысль, как отреагирует Арс, когда узнает, что я сбежала от него, наплевав на сделку. Вzbесится? Забьёт?

Не имею ни малейшего понятия.

Отдохнув немного с дороги, я принимаюсь обустривать лагерь. Мама купила мне новую палатку и разбираться с ней пришлось чуть дольше обычного, но, когда я заканчиваю установку, понимаю, что эта лучше. Моя палатка ярко-красная, а эта зеленая. Она сливается с цветом травы. Раскладного столика среди запасов нет, поэтому провизию приходится раскладывать на одно из покрывал в палатке. О покупке инвентаря вряд ли получится позаботиться в ближайшие пару недель. В ближайшем поселке есть только продуктовые магазины.

Ближе к вечеру я справляюсь с едой. Горячая гречневая каша с мясом из банки кажется мне пресной и безвкусной, а вот крепкий чай приходится очень даже по душе. Я долго сижу, глядя на отражение звезд в водной глади и всё думаю, что могла остаться с монстром и узнать, чем закончится эта история.

Было бы мне больно в самом конце?

Я уверена, что да.

Но кто сказал, что я и сейчас чувствую себя прекрасно, скрываясь от него, Грохова и Сомова?

Поздно ночью, когда я почти засыпаю в теплом спальнике, мне вдруг звонит мама. Её встревоженный голос мне не нравится от слова «совсем».

– Ты добралась? – почему-то шепотом спрашивает она.

– Да, я в порядке. Ты как?

Но мама мой вопрос проигнорировала, ошарашив своим:

– Почему Арсений себя так ведёт?

Я моментально просыпаюсь, расстегиваю спальник и сажусь, стараясь сфокусировать всё внимание на разговоре и не замечать сорвавшееся в забег сердце.

– Как?

– Он... Боже, дочь, он ворвался к нам домой с какими-то людьми и начистил Артему лицо, требуя выдать твоё местонахождение. Естественно, тот понятия не имел, что ты пропала.

– Тебя не трогал?

– Нет, но стал расспрашивать, когда в последний раз и о чем разговаривали. Я сказала, что созванивались накануне, что ты заверила, будто всё в порядке. Судя по его лицу, он в бешенстве.

Я сглатываю и кусаю губу, начав нервничать. Нет, меня нереально здесь найти, но вот возвращаться будет страшно. Он меня поймает и убьёт. Похоронит рядом с могилкой Грохова, как предлагал своим друзьям.

– Что ему нужно? Сомов его уничтожит, Оль. Ему нужно быть осторожным с ним, неужели не знает?

– Всё в порядке, мам, – заверяю её. – Пусть сами разбираются. Пусть хоть перегрызут друг друга. Так даже лучше будет.

Она замолкает, видимо пытаясь понять, что происходит, а я не хочу давать никаких пояснений. Для неё Арсений всегда был хорошим вежливым парнем, который не давал меня в обиду. И три года назад она никак не могла взять в толк, почему наша дружба внезапно оборвалась. Видела и знала, как мне плохо, догадывалась, что всё из-за Сомова с Гроховым, но не понимала причем здесь Славин. И сильно удивлялась, когда с каждым днем остановился мрачнее и всё сильнее обрастал своими чертовыми татуировками.

– Сеня тоже для тебя опасен? – спрашивает тихо.

Усмехаюсь и тру лоб, когда спазм неприятно простреливает голову.

– Мне порой кажется, что он-то как раз опаснее всех, мамуль. Ты не переживай, ладно? Я перекантуюсь здесь какое-то время, а затем поступим, как договорились. Надеюсь, твой доктор нас не бросит.

Она вздохнула, выдавая волнение.

– Он хороший.

– Я даже не сомневаюсь, мам. Наконец-то ты сделала правильный выбор.

Прощаюсь с ней и сбрасываю вызов. Перед глазами стоит перекошенное лицо Скама, и кажется, что он меня найдет. А ещё будут усиленно искать Сомов с Гроховым, потому что теперь они знают, что я беззащитна. И меньше всего мне хочется, чтобы они нашли меня первыми.

Проверяю предохранитель на газовом пистолете и снова укладываюсь в спальник. После прошлой поездки на кемпинг сейчас засыпать мне как-то спокойнее. Знаю, что в случае опасности, я могу выстрелить насильнику в рожу, как только представится возможность.

Спокойно закрываю глаза и засыпаю, думая о завтрашнем дне.

А вот утро встречает меня странными звуками, которых никак не ожидаешь услышать в лесу, зная, что ближайший поселок находится достаточно далеко, чтобы здесь не появилось ни души.

Тихий жалобный писк раздаётся у самой палатки. Ровно в том месте, где находится сумка с продуктами. И как только я начинаю шевелиться, мой незванный гость проявляет активность.

Расстёгиваю спальный мешок и осторожно выбираюсь, чтобы не спугнуть неведомого гостя. Выйдя из палатки, вижу, как маленький бельчонок лежит у тканевой стенки и дергает лапками, стуча по сумке с продуктами. Пищит зверек достаточно громко и, если честно, я впервые слышу этот звук.

Осторожно подхожу к зверьку, присматриваясь что не так. Но не так, похоже, было всё, потому что животное явно нуждалось в помощи. Вздохнув, окидываю взглядом свой лагерь и возвращаю внимание животному, присаживаясь рядом с ним на корточки.

– Ну что ж, дружок. Я в этом ничего не смыслю, но похоже нам придется какое-то время потерпеть друг друга.

Перебинтованными руками брать животное не решаюсь. Беру одну из кофт Скама и застываю с ней в руках, пытаюсь вспомнить чем он пахнет. Я точно знаю его аромат, но вот так сходу могла назвать только запах дыма от сигарет и любимый одеколон. Медленно поднимаю вещь к носу и делаю осторожный, опасливый и крайне медленный вдох, чтобы почувствовать до одури родное. Своё. А затем выдыхаю и жмурюсь, осознавая, какая на самом деле дура.

Стараясь ни о чем не думать, я поднимаю бельчонка и кутаю его в кофту монстра. В машину забираюсь быстро и в целом не волнуюсь, когда оставляю лагерь позади. Сдам животину, заплачу и тут же вернусь.

Поселок находится достаточно далеко от заповедника, и я трачу немало времени на то, чтобы добраться до пункта назначения по лесным дорогам. Навигатор на смартфоне сокращает время поиска и мучения зверька, что свернувшись лежит в кофте Скама и продолжает дергать лапками, но вряд ли ему нравится эта жуткая качка по бугристой местности.

– Потерпи ещё, малыш, скоро мы приедем и хорошие люди тебе помогут.

Рыжий зверь в ответ только дёргает ушами, и больше никак не даёт понять, что услышал меня.

Посёлок очень большой. Пока еду по центральной улице, отмечаю несколько торговых супермаркетов, аптек и прочих заведений, без которых жизнь местного населения была бы неудобной.

Когда я была маленькой, родители часто возили меня в похожую деревню. Она была раза в три меньше и имела только два магазина и почту, в которых можно было хоть что-то купить. Мы оставались там несколько недель и от скуки я каждый день бегала покупать почтовые марки. Кажется, они до сих пор лежат у меня в фотоальбоме.

Ветклиника была единственной в этом поселении, как обозначил мне навигатор. Остановившись на парковке, я взяла бельчонка и аккуратно отнесла его внутрь. Буквально за дверью меня встретила девушка в медицинской двойке и собранными волосами, спрятанными под специальную шапочку. Зачем нужна была такая стерильность, я не знала, да и не особо желала знать.

– Здравствуйте. Вы не могли бы мне помочь? Тут белка, – Я кладу кофту на стойку и аккуратно разворачиваю ткань, на что администратор с любопытством косится.

– Дикая? – спрашивает осторожно. – А с вашими руками что?

– Порезалась, – отвечаю коротко.

Ещё несколько минут она составляет карту на животное, взвешивает бельчонка, оценивает возраст на вскидку, а после приглашает меня в кабинет к доктору.

Молодой мужчина сидит, склонившись над бумагами и внимательно их изучает. При моём появлении, он окидывает меня взглядом и смотрит на руки.

– Кладите на стол, – указывает ладонью на какой именно. – Одну минуту, я сейчас.

Положив рыжего зверя на стальную холодную столешницу, я оборачиваюсь на звук открываемой двери. Девушка администратор, видимо, подрабатывает ещё и медсестрой, потому что вытащив из шкафа пузырьки с жидкостями и вату, она направилась ко мне и попросила снять бинты с рук.

– Давайте обработаем на всякий случай. Дикие белки могут быть переносчиками серьёзных инфекций и лучше бы вам перестраховаться.

Молодой врач мгновенно теряет интерес к своим бумагам. Поднимается из-за стола и направляется к нам, чтобы принять непосредственное участие в осмотре и обработке ран.

– Что с вами случилось? – любопытствует он, беря мои ладони в свои тёплые руки.

– Порезалась, – отвечаю отстранённо, вспоминая, как повисла на высоком заборе из профнастила.

– Судя по характеру ран, – он проводит пальцем в воздухе параллельно порезам и продолжает, – это было не стекло. Порез местами довольно глубокий. И нет следов скольжения, будто вы пытались что-то удержать или... – Он окидывает меня внимательным взглядом и ждёт, что я сама продолжу.

Молчу, закусив нижнюю губу. Не хочу давать никаких подробностей о произошедшем.

– Останутся шрамы. Я бы на вашем месте обратился в травмпункт, чтобы они наложили швы. Это подвижные части рук, и так просто ничего не заживет.

– Лев Александрович, мне кажется, девушка не хочет обращаться в травмпункт, иначе бы позаботилась о себе, а не о белке.

Врач молча кивает, соглашаясь с предположением, а я размышляю над тем, как много времени займет обработка ран. Сейчас я больше переживала за бельчонка.

– Это не смертельно, в отличие от вашего пациента.

Лев обернулся на зверя и хмыкнул. Сейчас рыжий тревожно спал, продолжая дергать лапками.

– Ему мы поможем, а вот вам не факт. Я бы всё же порекомендовал вам обратиться за помощью.

– Спасибо, у меня есть всё необходимое.

Но несмотря на мои слова, в покое меня не оставляют. Обрабатывают раны каким-то раствором и обращают моё внимание на то, что края раны начали воспаляться, а это значит, что процесс заживления будет долгим и болезненным.

После того, как мне обновили бинты, доктор, наконец, добрался до своего пациента. Внимательно осмотрел, ощупал и разбудил. Зверек даже не сопротивлялся, когда его брали на руки. Только пискнул, когда медсестра взяла анализ крови.

– Видимых травм у животного нет, зато имеется температура и явная болезненная реакция на пальпацию брюшной полости, – мужчина опрыскал чем-то перчатки, в которых был и взглянул на меня. – Вы можете пока подождать в коридоре, если неважно себя чувствуете.

Моё самочувствие в данную минуту действительно оставляло желать лучшего, и смотреть на несчастного зверька мне совершенно не хотелось. Поэтому, кивнув я просто вышла в коридор, где меня тут же взялась допрашивать медсестра. Разузнав, где я раздобыла животное, она заинтересовалась, как я предпочту его лечить. Вариант оставить на передержку на платной основе меня вполне устроил, и поэтому, когда доктор составил перечень оказанных и запланированных услуг, я молча достала смартфон, открыла электронный кошелек, введя свои логин и пароль, после чего оплатила лечение животного.

– Думаю, за недели две мы поставим белку на лапы. Результаты анализов будут готовы через пару часов, но я уже сейчас могу сказать, что подозреваю инфекционное заболевание. Нам нужны координаты местности, где вы нашли зверька. Если результат анализа серьёзный, нам нужно будет сообщить об этом.

Я соглашаюсь с доктором, оставляю свои контакты и рассчитываюсь с помощью электронного кошелька, который прямо на кассе устанавливаю на смартфон. В душе зарождается легкое чувство тревоги, но я сглатываю, улыбаюсь медсестре и покидаю ветклинику, надеясь, что всё будет хорошо.

Город сразу не покидаю. Заезжаю ещё в несколько магазинов, чтобы докупить воды и предметы личной гигиены и перчатки, чтобы не беспокоить травмы. Беру пластиковые ведра и даже нахожу в магазине рыболовства складную сауну. Продавец с энтузиазмом берется объяснять, как её нужно устанавливать, пока я прикидываю, нужна она мне вообще или нет.

С груженной машиной возвращаюсь к лагерю, разгружаю покупки и устало отмечаю, что очень проголодалась, а времени на завтрак не было совершенно. Яичница и растворимый кофе быстро решают эту проблему.

Чуть позже, когда я удобно устраиваюсь на берегу со смартфоном в руках мне неожиданно звонит мама. Голос полон паники, которой и я частично поддаюсь.

– Артём в ярости, взял людей и куда-то рванул. У тебя всё нормально?

У меня всё было замечательно, если учитывать, что я нахожусь достаточно далеко от города. Найти меня практически невозможно. Даже если они просекут, что я прячусь в окрестностях заповедника, достать меня вряд ли выйдет.

– Я в безопасности, мам, – напоминаю ей весело. – Сомов, наверное, со своими друзьями разбирается.

– Может быть, – отвечает она, и я слышу, как поджимаются её губы на последнем слог.

Она волнуется, и я прекрасно знаю, что успокаивать её сейчас не имеет смысла, потому что она будет накручивать себя всё время. Единственное, что ей сейчас поможет, так это отвлечься на другую проблему, но у меня в арсенале таких не было. А так хотелось, чтобы она не терзала себя.

– Мне здесь хорошо, – отмечаю я, глядя в мерцающие волны на горизонте. – С детства люблю отдых на природе.

– Это папа приучил, – грустно отмечает она. – Когда тебе было три года, мы впервые взяли тебя с ночевкой в палатках. Тебе так понравилось, что ты едва не каждый день просилась на природу.

А потом это стало доброй традицией. Открывали сезон мы в конце апреля, а закрывали в октябре. Пару раз в месяц стабильно выбирались, потому что папа обожает рыбалку. Он и уехал-то со своей новой семьей поближе к озеру. Сказал, что там отличный домик и даже есть старинная деревянная лодка, за которой бывший хозяин ухаживал, как за любимым ружьем.

И сейчас я сижу здесь и понимаю, что без кемпингов просто не смогу. Обожаю, слышать пение птиц и чувствовать запах костра, манящего согреться в холодную погоду или приготовить пищу с дымком.

– Я скучаю по нам прежним, – отвечаю с грустью.

– Детство ускользает и его не вернешь, милая.

Да, я понимала это. Кажется, за всю свою жизнь я не только выросла, но и растеряла все её краски, за которые многое сейчас отдала бы.

– Мы будем счастливы, мам. Уверена, что так и будет. Просто мы должны убрать ненужных людей из своей жизни. И тогда всё обязательно наладится.

Она не ответила. Шмыгнула носом и коротко угукнув положила трубку. Я знаю, что сейчас она будет плакать и не перезваниваю. Потому что ей не нужно, чтобы я успокаивала её. Ей просто нужно принять новую действительность, от которой она так долго отнекивалась.

Вдохнув, я допила остатки кофе и ещё раз взглянула на горизонт.

Мне всегда казалось, что тишина рождает мысли, но сейчас я понимаю, что она их не рождает. Она делает их слышимыми.

Вероятно, именно в такие минуты, когда ничто не отвлекает, у учёных и появляются гениальные идеи, о которых они кричат "Эврика!". Вот только я не ученый, и вряд ли мне нужна эта эврика. Мне нужно просидеть тихой мышкой как можно дольше, пока Сомов, Грохов и Славин не оставят попытки меня найти. А потом мы просто уедем из этого алчного города, жаждущего только денег и крови.

Просидев ещё несколько секунд и любясь природой, я вдруг понимаю, что мне жарко и я хочу искупаться. Смотрю на свои руки, отодвигаю край бинта и с сомнением обозреваю раны.

С этим нужно что-то делать. Не хочется получить инфекцию, но если уж совсем ничего не предпринимать, то мне наверняка придется несладко. Я и без того чувствую себя потерянным слонёнком на дрейфующей льдине, а тут ещё и беспомощность инвалида.

Порывшись в вещах, которые закупила сегодня, я нахожу пару нейлоновых перчаток. Одеваю их и перевязываю лейкопластырем у основания, чтобы внутрь не попала вода. После беру мыло, шампунь полотенце и иду к берегу голышем, не беспокоясь о случайных свидетелях. Их здесь попросту не может быть.

Вода тёплая. В это время года не может быть иначе. Волны убаюкивающе шумят, накатывая на берег, пока я погружаюсь в сверкающую синеву, согретую жарким солнечным днём. И все проблемы растворяются в окружающем меня сейчас, в тихом шелесте и скрипе деревьев, в шуме ветра, путающегося в сосновых верхушках и неповторимом лесном аромате.

Я отбрасываю от себя сожаления и переживания, намыливая мочалку. Не думаю о стальных глазах, способных прожигать до самой души и не вспоминаю об отчине, посмевавшем продать меня отъявленному негодяю.

Человек абсолютно свободен только тогда, когда рядом нет другого человека. Здесь я могу делать всё, что захочу. Здесь я могу даже немного нарушить законы своей страны.

Улыбаюсь последней мысли и ныряю под воду, отмечая, что боль в районе ладоней постепенно стала менять характер и усиливаться. И это несмотря на то, что я старалась быть аккуратной и не делать резких движений.

Выбравшись из озера, я кутаюсь в полотенце, достаю аптечку, отданную Игорем Константиновичем, и наливаю кипяченую воду из чайника в стакан. Я мало что смыслю в обработке. Из уроков ОБЖ помню, как обрабатывать рану в случае необходимости, но вот о воспалительном процессе – ни слова.

Сев на берегу на разложенный плед, я принялась снимать перчатки, после чего осмотрела страшные порезы и промыла их кипяченой водой. Кожа действительно воспалилась и приобрела красноватый оттенок по краям, но я не видела чего-то очень критического. Обработав хлоргексидином, забинтовала обратно и пошла одеваться, чувствуя, как пульсируют увечья. Не первые в моей жизни, но даже сейчас я думаю, что больнее душевных мук нет ничего.

Остаток дня провожу в размышлениях. Самое время, чтобы поковыряться в себе и сделать выводы, даже если эти выводы очень ранят. Развожу костер ещё до того, как начинает темнеть и балую себя горячей солянкой на ужин.

К полуночи становится ощутимо прохладно. Кутаясь в теплую кофту Скама, перепачканную моей запекшейся кровью, которую отстирать больными не вышло, я греюсь у костра. Знакомый до боли запах отвлекает от мрачных дум и болевых ощущений, которые практически невозможно уже выносить.

Поднимаюсь на ноги и чувствую, как кружится голова, в которой бьется только одна мысль – выпить обезболивающее и забраться в спальник, в котором я смогу быстро согреться.

Дикая жажда и жар, от которого мне выворачивает кости, не оставляют в покое очень долго. Я смотрю вверх и вижу, как на тканевом потолке играют искры света. Как темнеют тени, складываясь в жуткий рисунок. Краем истрепанного сознания, отмечая, как яркая вспышка, ударившая откуда-то сбоку сметает любые намёки на пищу для разбушевавшегося воображения.

Раз, и мир погружается во тьму, проявляясь отдельными всполохами и окриком моего дурацкого прозвища, которым заклеил меня чудовище.

– Ворона!

И снова танцы теней. На этот раз они складываются в множество человеческих фигур. И, кажется, я даже слышу голоса, от которых становится не по себе. Будто я здесь не одна. Смеюсь хрипло этой мысли и кутаюсь плотнее. Моё тело, словно не моё вовсе. Его колотит крупная дрожь, а руки стали размером с кувалду каждая по отдельности. И эти кувалды бьют и бьют. Бьют и...

– Оля, мать твою! Открой глаза!

Послушно открываю и вижу перекошенное от бешенства лицо Арса, в глазах которого нет больше холода. Там горит адское пламя, способное спалить всё в радиусе километра. Я полулежу в его руках, всё так же укутанная в спальник, а он вглядывается в моё лицо, пытаюсь понять в чем дело.

– Где ты ранена? Куда?

Не сразу понимаю, о чем речь. Всё словно в тумане. Неправда. Страшный сон.

Сейчас я проснусь, а его рядом нет. Он просто бред моей воспалившейся фантазии.

И пока я пытаюсь прогнать его образ из своей головы, лицо с татуировкой над бровью отдаляется. Наверное, это хороший знак. Я прикрываю глаза и умиротворенно ощущаю как

спина прижимается к твердой поверхности. Но вслед за этим резко расстёгивается мой спальник и меня выцарапывают из него, словно улитку из раковины.

– Ворона, я тебя убью, – рычит монстр, хватая мои руки-кувалды. – Придушу дуру!
Улыбаюсь, слыша эту фразу и проваливаюсь в спасительную тьму.

Глава 7

Утро встречает меня всё тем же пением птиц. Я потягиваюсь и с удивлением отмечаю свежие бинты на руках. Не помню, чтобы вчера вечером делала перевязку. Впрочем, я про вчерашний вечер вообще практически ничего не помню, как мозг не напрягай.

Но липкость тела не оставляет сомнений. У меня был сильный жар. Вялость в теле и сухость во рту свидетельствуют о том же. Я кусаю губу и со скрипом поднимаюсь со спальника, на котором спала.

Стаскиваю с себя влажные от пота вещи, морщась всякий раз, когда приходится шевелить пальцами, беру гель для душа, перчатки и выхожу из палатки, застывая как вкопанная, когда глаза натыкаются на четверых парней сидящих за моим столом.

Мы смотрим друг на друга ошарашено, но они приходят в себя первыми и вежливо отворачиваются, а ровно через секунду мне заступает дорогу монстр и молниеносно запикивает меня обратно в палатку.

– Ты умом тронулась, Ворона?!

Я бы очень этого хотела. Очень. Но Славин стоит передо мной во плоти и метает молнии одним лишь взглядом. Запоздало вспомнив, что совсем голая, испуганно отшатыв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.